

В.М. Сотников

Лев Николаевич Толстой
(1828–1910)

Детство и отрочество. Родные. Москва.....	2
Казань. Юность. Приложение душевных сил.....	3
Кавказ. «На что я назначен?» Первая повесть.....	4
На Крымской войне и в петербургском мире.....	7
Первый опыт крестьянской реформы. Европа.....	10
«Прелесть Ясная». Попытки любви.....	13
Школа Европы и Ясной Поляны.....	15
Женитьба.....	20
«Мысль народная».....	21
Арзамасский ужас. «Азбука».....	24
«Мысль семейная».....	26
Великий перелом.....	28
Уход и смерть.....	32

«Все Я... все проявления... довольно проявлений...» — слова, которые произнес Толстой в последние минуты своей жизни. Что означают они?

Он жил многими жизнями.

«Что такое я? Отчего я? Разум ничего не говорит на эти вопросы сердца. Отвечает на это только какое-то чувство в глубине сознания. С тех пор, как существуют люди, они отвечают на это не словами, то есть орудием разума, частью проявления жизни, а всей жизнью».

Проявления — это все, что Толстой говорил и писал в своей жизни. Проявления — это бесчисленные его герои, которыми становился он сам, когда их создавал. *Проявления* — это изменения, которые Толстой ощущал в себе много раз на протяжении жизни.

И смерть стала *проявлением*. Толстого похоронили, как он и завещал, недалеко от яснополянского дома, на краю оврага в лесу — на том месте, где зарыта «зеленая палочка».

В детстве он услышал от старшего брата Николеньки придуманную им легенду — будто существовали на земле «муравейные братья», знающие тайну, как людям быть счастливыми и любить друг друга. «Эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги на краю оврага “Старого заказа”, — вспоминал Толстой.

Смерть соединила его с «зеленой палочкой». Тайна, записанная на ней, оказалась выраженной во всех его словах, сказанных и написанных для людей при жизни.

«Слова умирающего особенно значительны», — писал Толстой в своем дневнике.

Есть несправедливость в нашем отношении к Толстому. Мы принимаем его творчество как некий результат, дарованный ему судьбой и небесами. И редко думаем о том, что главное свершение этого человека — его собственная жизнь.

Тринадцать томов составляют дневники, в которых первая запись сделана восемнадцатилетним юношей, последняя — умирающим стариком. Тринадцать томов описывают огромный, каждодневный труд самовоспитания и самонаблюдения.

Детство и отрочество. Родные. Москва

Лев Николаевич Толстой родился 28 августа 1828 года в имении Ясная Поляна в семье отставного подполковника графа Николая Ильича Толстого и Марии Николаевны Толстой, урожденной княжны Волконской. Ко времени его рождения у Толстых уже было трое сыновей: Николай (1823), Сергей (1826) и Дмитрий (1827).

Единственная сестра Льва Николаевича, Мария, родилась 2 марта 1830 года. К этому году принадлежит и самое большое горе, отголоски которого Толстой ощущал всю свою жизнь: ему еще не минуло двух лет, когда внезапно, от горячки, умерла мать. Это было его первое столкновение со смертью самого близкого человека. Двухлетний мальчик не был «испорчен» взрослым пониманием смерти: человек смертен, следовательно, может и должен умереть. Чувствительный ребенок не мог смириться с исчезновением матери. После Марии Николаевны, как это ни странно, не осталось ни одного портрета, и светлый материнский образ хранился лишь в детском воображении. В яснополянском парке, недалеко от въездной дороги, есть холм. На этом месте Толстой, еще будучи ребенком, однажды почувствовал присутствие души матери — и ходил сюда на встречу с нею на протяжении всей жизни, до последних своих лет.

Его воспоминания о младенчестве непредставимы для обычной человеческой памяти. В «Первых воспоминаниях» он описал свои ощущения того времени, когда его пеленали, купали в корыте, описал тогдашние впечатления от окружавших его людей. И в этих словах нет вымысла.

Наоборот, Толстой словно тяготился тем, что вымысел неизбежно вкрапляется в его художественное произведение — автобиографическую трилогию «Детство», «Отрочество», «Юность». Поэтому он вновь и вновь обращался к прямым воспоминаниям, старался докопаться до самых истоков памяти, чтобы восстановить подлинные события. «Первые воспоминания» и дневниковые записи, в соединении с автобиографической трилогией, являют собой такую картину душевного развития человека, равной которой литература не знает.

В 1837 году, зимой, Толстые переехали из Ясной Поляны в Москву и поселились на Плющихе (ныне дом 11).

«Был хороший день, и я помню свое восхищение при виде московских церквей и домов, — восхищение, вызванное тем тоном гордости, с которым отец показывал мне Москву», —

писал впоследствии Толстой в «Воспоминаниях». Переезд в Москву был связан с необходимостью получения детьми дальнейшего образования: познаний гувернера Федора Ивановича Ресселя (изображенного в «Детстве» под именем Карла Ивановича Мауера) было уже недостаточно.

Отец семейства, Николай Ильич Толстой, в марте 1837 года купил еще одно имение — Пирогово в Тульской губернии с 472 душами крестьян. Впоследствии злые языки обвинили его в нечестности при заключении сделки и даже в воровстве шкатулки с ценными бумагами. Узнав об этом, граф в один день покрыл на лошадях расстояние от Москвы до Тулы, чтобы на месте защитить свое честное имя. У дома А.А. Темяшева — человека, у которого было куплено имение, Николай Ильич умер «от кровавого удара». Это случилось 20 июня 1837 года. Лишь в 1841 году невиновность графа Толстого была полностью доказана.

Дети остались круглыми сиротами. Опекуншей малолетних Толстых стала их тетка по отцу, графиня Александра Ильинична фон дер Остен-Сакен. Но ее опекунство было, скорее, формальным юридическим фактом. Близким и родным человеком, отчасти

заменившим родителей, стала для детей их дальняя родственница, жившая в семье отца, тетушка Татьяна Александровна Ергольская. В воспитании детей она сыграла главную и незаменимую роль. Они любили ее, делились с нею горестями и радостями и не чувствовали себя по-сиротски покинутыми.

Лев Толстой сохранил теплые отношения с тетушкой до самой ее смерти в 1874. Его письма к ней напоминают горячие и искренние исповеди. Тетушка всегда отвечала ему пониманием и любовью.

Т.А. Ергольская полностью посвятила себя воспитанию детей. Она следила за их образованием, которым занимался уже новый губернатор француз Сен-Тома (в повести «Отрочество» изображенный под именем Сен-Жерома). Вместе с тетушкой братья Толстые посещали Большой театр, делали визиты многочисленным знакомым и родственникам — словом, узнавали жизнь высшего московского света, что было естественно для обладателей графского титула.

Летом 1838 года младшие дети Лев, Дмитрий и Мария в сопровождении Ергольской переехали в Ясную Поляну. Только через год они ненадолго навестили Москву: приезд был связан с поступлением старшего брата Николая на философский факультет Московского университета.

К этому времени относится интересное событие: один из товарищей братьев Толстых, гимназист Володя Милютин, объявил, «что Бога нет и что все, чему нас учат, одни выдумки». Впоследствии Толстой вспоминал:

«Помню, как с братья заинтересовались этой новостью, позвали и меня на совет, и мы все, помню, очень оживились и приняли это известие как что-то очень занимательное и весьма возможное».

Примечательный факт, свидетельствующий о том, что размышления о Боге, о присутствии веры в душе зародились у Толстого с самого детства и не покидали его всю жизнь.

Ко дню именин Ергольской в 1840 году Толстой написал стихотворение. Судя по отзыву губернатора Сен-Тома, отмечавшего благородность чувств автора, этот стихотворный опыт был не первым.

После смерти графини Остен-Сакен попечительницей малолетних Толстых стала сестра отца П.И. Юшкова, жившая в Казани, куда дети и переехали в 1841 году. Брат Николай перешел из Московского университета в Казанский, туда же на философский факультет поступили в 1843 году Сергей и Дмитрий.

Казань. Юность. Приложение душевных сил

Сложность природы юного Толстого проявилась в самом начале казанской жизни, неожиданно для него самого. С одной стороны, он жаждал новых знаний, это отмечали все, кто был рядом с ним в ту пору. С другой — не выносил заданной и устоявшейся последовательности их получения. Внешние, привычные для всех условия образования тяготили Толстого. По результатам вступительных экзаменов в 1844 году его не зачислили на восточный факультет Казанского университета. И только после дополнительного испытания по «заваленным» истории и статистике Толстой был принят «студентом своекоштного содержания по разряду арабско-турецкой словесности».

Но к переводным экзаменам на второй курс он все-таки не был допущен. Толстой подал прошение о переводе с факультета восточной словесности на факультет юридический и, после двух неполных лет обучения на этом факультете, в 1847 году оставил университет. «Не ходил на лекции», «весьма ленив», — отмечали преподаватели, часто ставившие графу Толстому невысокие оценки.

По всему этому кажется, что речь идет о ветреном и пустом молодом человеке. Но достаточно перечня изученной Толстым литературы (одного Руссо прочел все

двадцать томов, делая комментарии), перечня статей, которые он писал в это время сам, — чтобы поразиться глубине и своеобразию ума этого человека. Ведь к моменту выхода из университета ему было всего лишь восемнадцать лет!

В это время Толстой сделал в дневнике запись, во многом объясняющую его решение:

«Во мне начинает проявляться страсть к наукам; хотя из страстей человека эта есть благороднейшая, но не менее того я никогда не предамся ей односторонне, т. е. совершенно убив чувство и не занимаясь приложением, единственно стремясь к образованию ума и наполнению памяти».

И далее:

«Легче написать десять томов философии, чем приложить какое-нибудь одно начало к практике».

Приложение к жизни своих способностей и огромных душевных сил — такова была главная страсть юного Толстого. Как и всякая страсть, она была нетерпеливой. Может быть, поэтому он и отказался от «посредника» между собою и реальной жизнью, каким ему представлялся университет, полный курс которого, по словам Толстого, содержал в себе множество бесполезных мелочей.

Но еще более, чем к обстоятельствам своей внешней жизни. Толстой требователен к жизни внутренней. При чтении его юношеского дневника появляется даже некоторое раздражение: сколько же можно человеку, вполне осознающему свой талант и глубокий ум, корить себя за проявления обычных, в нашем понимании, человеческих слабостей?

«Я невоздержан, нерешителен, непостоянен, глупо тщеславен и пылок, как все бесхарактерные люди. Я не храбр. Я неаккуратен в жизни и так ленив, что праздность сделалась для меня почти неодолимой привычкой».

Может показаться, что Толстой специально «оговаривает» себя. Но это не так. Будучи от природы честен, Толстой был честен и в дневнике. После глубокого рассуждения о предназначении человека он с той же искренностью мог написать о своем огорчении оттого, что у него «левый ус хуже правого». Или, уже позднее — что не сможет жить, если не заведет в своем хозяйстве таких поросят, каких увидел у соседа-помещика. Эти кажущиеся смехотворными детали выдают в нем величайшего художника непосредственных чувств, человека, пишущего правду.

После выхода из университета дневник Толстого прерывается почти на три года. Впоследствии он вспоминал эти годы как безалаберные и беспутные. Он часто переезжал с места на место: бывал в Москве, в Ясной Поляне, в Петербурге. Его увлекла светская жизнь с опасными для молодого человека пороками: игрой в карты, цыганами, вином. Сильный характер не всегда останавливал Толстого; запоздалое раскаяние в своих поступках и образе жизни часто настигало его. Об угрызениях совести он доверительно писал в письмах единственной своей долголетней утешительнице — тетушке Т. Ергольской.

В 1850 году Толстой возобновил ведение дневника. Двадцатидвухлетнему юноше казалось, что он «стал уже слишком холоден», «перебесился и постарел». К этому времени Толстой успел позаниматься обустройством Ясной Поляны и жизни своих крестьян (что впоследствии описал в повести «Утро помещика»), поработал в Тульском губернском правлении канцелярским служителем — словом, обрел тот жизненный опыт, который заставил его по-новому задуматься над собственной жизнью.

«Кто ты — что ты?» — этот вопрос слышал он в мерном ходе часов яснополянского дома, и ответ на него требовал новых впечатлений, новых мыслей и слов.

Кавказ. «На что я назначен?» Первая повесть

В апреле 1851 года Лев Толстой вместе с братом Николаем уехал из Ясной Поляны на Кавказ. Николай ехал на службу: он числился в артиллерийской бригаде,

расквартированной на Тереке. С какой целью ехал Лев, было неясно: то ли просто проехаться, то ли служить в действующей армии. О неопределенности цели свидетельствует и то, что Толстой не подготовил нужных документов. На Кавказе это осложнило его зачисление на службу.

Путешествие было долгим — больше месяца. Ехали через Москву, Казань, плыли по Волге до Астрахани.

Только к июню братья Толстые добрались до станицы Старогладковской — места службы Николая. Лев записал в дневнике:

«Пишу 1 июня в 10 ночи в Старогладковской станице. Как я сюда попал? Не знаю. Зачем? Тоже».

Можно только поражаться глубине и постоянству толстовских сомнений в своем предназначении. Больше месяца, во все время путешествия, имея рядом такого умного собеседника, как брат Николай, который понимал «все тонкости жизни». Лев не пришел к однозначному ответу на вопрос: чем он будет заниматься на Кавказе и, главное, каково его будущее призвание?

У абсолютного большинства двадцатилетних людей если и появляются подобные мысли, то они связаны с поиском спасительного выхода из житейской пустоты. Природа толстовских сомнений иная. Они происходили не от слабости или растерянности перед многоликостью жизни. Это были сомнения человека, постоянно занятого размышлениями о смысле своего существования, о том, на что употребить огромные душевные силы, которые он в себе чувствовал.

Толстой не зря считал, что неполных три года, проведенные на Кавказе, были временем его наибольшего душевного роста; все выше становились его требования к себе.

Брат Николай часто и надолго уезжал по службе, и Лев оставался в одиночестве. Но он не жил в станице как скучающий путешественник. Даже развлечение охотой превращалось для него в наблюдение за природой и жизнью казаков. Впоследствии это отразилось в кавказских повестях и особенно в повести «Кзаки», которую он писал с перерывами десять лет.

Он записывал казачьи песни, делая научные наблюдения, которые составили бы честь специалисту. Готовился к зачислению на службу в артиллерийскую бригаду и участвовал в качестве волонтера в операциях против горцев. (В январе 1852 года после экзамена на звание юнкера Толстой был зачислен на военную службу фейервейкером 4-го класса.) Изучал местные языки и говоры, много читал, переводил на русский язык «Сентиментальное путешествие» своего любимого писателя Стерна. И это далеко не полный перечень занятий Толстого.

В это время писались и по несколько раз переписывались страницы повести «Детство». Работая над нею, Толстой заметил в дневнике:

«Слог слишком небрежен и слишком мало мыслей, чтобы можно было простить пустоту содержания».

Если Толстой так относился к повести, признанной одной из лучших в русской литературе, то можно понять крайнюю степень его требовательности к себе и в дневниковых записях, и в повседневной жизни. Он хотел быть мужественным и храбрым и добился этого — окружающие почитали его за храбреца. На охоте подпускал огромного кабана на такое близкое расстояние, что от выстрела подгорала щетина. Участвовал в многочисленных операциях против горцев и однажды чуть не был убит снарядом, угодившим прямо в колесо пушки, которую он наводил.

Он всегда поступал согласно законам чести, но в мыслях и дневниках часто корил себя за трусость, бесхарактерность, лень. Можно улыбнуться, зная то, чего не знал молодой Толстой: что и восьмидесятилетним стариком он останется так же требователен к себе, так же будет корить себя за отступление от нравственных законов.

4 июля 1852 года Толстой отослал рукопись «Детства» в лучший журнал того времени — «Современник», который редактировал Некрасов. Письмо, которым сопроводил рукопись двадцатитрехлетний автор, заканчивалось словами:

«Я убежден, что опытный и добросовестный редактор — в особенности в России, — по своему положению постоянного посредника между сочинителями и читателями, всегда может вперед определить успех сочинения и мнения о нем публики. Поэтому я с нетерпением ожидаю вашего приговора. Он или поощрит меня к продолжению любимых занятий, или заставит сжечь все начатое».

С такой чистотой уверенности могут писать только гении.

В день своего рождения Толстой записал в дневнике:

«Мне 24 года, а я еще ничего не сделал. Я чувствую, что недаром вот уже восемь лет борюсь с сомнениями и страстями. Но на что я назначен? Это откроет будущность. Убил трех бекасов».

Будущность не заставила себя ждать: на следующий день Толстой получил ответ из «Современника». Некрасов стал первым из профессиональных литераторов, кто оценил толстовский талант. Вместе с перечислением достоинств присланного текста он сообщил о своем решении опубликовать повесть в ближайшем номере журнала. 6 сентября 1852 года, через два месяца после того, как Толстой отправил рукопись, «Детство» было опубликовано. Повесть была замечена критикой; Толстой с радостью читал одобрительные отзывы.

Впервые за время пребывания на Кавказе Толстому пришла мысль об отставке:

«Служба мешает двум призваниям, которые я единственно сознал себе, особенно лучшему, благороднейшему, главному, и в том, в котором я более уверен найти успокоение и счастье».

Итак, после восьми лет сомнений и поисков, Толстой впервые твердо определил два главных своих призвания. Первым и главным была литература, вторым — улучшение жизни крестьян, о которых он не забыл на Кавказе.

Но Толстой понимал и чувствовал, что возвращаться в Ясную Поляну, вести сравнительно спокойную жизнь ему еще рано. Его душа требовала жизненных впечатлений.

После первого литературного успеха Толстой оставался на Кавказе еще полтора года. Поняв свое призвание, оставался в той жизни, видеть и знать которую необходимо художнику так же, как рыбе плавать в воде. Как писатель он был признан не только другими, но и, что для Толстого всегда было важнее всего, самим собой.

Его дневник этой поры можно считать путеводителем по лабиринтам творчества. Сколько веры в его записях! Даже сомнения Толстого в эту пору отличаются странной утверждающей силой: его простые слова словно заряжают энергией.

«Сейчас лежал я за лагерем. Чудная ночь! Луна только что выбиралась из-за бугра и освещала две маленькие, тонкие, низкие тучки; за мной свистел свою заунывную, непрерывную песнь сверчок; вдали слышна лягушка и около аула то раздастся крик татар, то лай собаки; и опять все затихнет, и опять слышен только свист сверчка и катится легенькая, прозрачная тучка мимо дальних и ближних звезд. Я подумал: пойду опишу я, что вижу. Но как написать это? Надо пойти, сесть за закапанный чернилами стол, взять серую бумагу, чернила; пачкать пальцы и чертить по бумаге буквы. Буквы составят слова, слова — фразы; но разве можно передать чувство. Нельзя ли как-нибудь перелить в другого свой взгляд при виде природы? Описание недостаточно. Зачем так тесно связана поэзия с прозой, счастье с несчастьем? Как надо жить? Стараться ли соединить вдруг поэзию с прозой, или насладиться одною и потом пуститься жить на произвол другой?»

Как назвать эту цитату? Пейзажной зарисовкой? Рассуждением на тему творчества? Размышлением, по словам современного писателя Андрея Битова, «на границе поэзии и прозы»? Как незаметно и органично молодой Толстой переходит от впечатлений к описаниям, к мыслям, к вопросам, в одном звучании которых таится притягательная сила!

Эти слова объясняют состояние Толстого в последний год перед отъездом с Кавказа. Он видел жизнь, ощущал ее жаркое дыхание — и сразу же отвечал ей и поведением, и внутренней напряженной работой. В нем умещалось все: и стремление послужить так, чтобы не стыдно было вернуться домой, и жажда новых впечатлений (которых, впрочем, было в избытке — однажды, например, уходили с приятелем от двух десятков чеченцев и чудом успели доскакать до крепости Грозной), и огромная работоспособность, поражающая людей конца двадцатого века. Толстой-военный служил, воевал, играл с сослуживцами в карты — что всегда вызывало запоздалое раскаяние, не говоря уже о больших материальных издержках. Толстой-писатель за этот короткий срок «запустил» всю свою будущую творческую лабораторию. В это время он писал повесть «Отрочество», рассказы «Набег», «Записки маркера», «Рубка леса», роман «Беглец», «Роман русского помещика» и многие другие произведения. Все это было частью завершено, частью только начато. Количество же набросков, зарисовок и записей в дневнике — огромно.

В январе 1854 года, после производства в прапорщики и прошения о переводе в действующую Дунайскую армию, Толстой покинул Кавказ.

На Крымской войне и в петербургском мире

Обратный путь до Ясной Поляны по времени оказался короче — полмесяца. В ожидании нового назначения Толстой ездил в гости к соседям, потом собрал у себя всех братьев. В большом, оставшемся без хозяина родительском доме братья спали, постелив на пол солому... Все вместе съездили в Москву и снялись на дагерротип; этот групповой портрет четверых братьев Толстых особенно известен.

В Ясной Поляне Лев Толстой получил письмо от Некрасова с критическими замечаниями по поводу языка героев рассказа «Записки маркера». «Рассказ вышел груб, и лучшие вещи в нем пропали», — писал Некрасов.

В начале марта Толстой выехал в Бухарест — через Курск, Полтаву и Кишинев — в расположение Дунайской армии, воевавшей с турками. В апреле, уже из Бухареста, он отправил Некрасову повесть «Отрочество», окончательно выправленную и переписанную.

В большую войну на стороне турок втягивались европейские страны — Англия и Франция. Толстой участвовал в сражениях, в которых русские войска из-за бездарности генералов и политических просчетов правительства терпели поражения. Зная, что основной театр военных действий переместится в Крым, Толстой дважды подавал прошение о переводе его в Крымскую армию.

В ноябре 1854 года он прибыл в Севастополь.

За эти полгода он пережил позорные отступления — русские войска оставляли на расправу туркам десятки тысяч мирных болгар; видел смерть множества людей. Казалось, личная радость на фоне общего горя невозможна, но выход в октябрьском номере «Современника» повести «Отрочество» очень обрадовал Толстого. Он получил письмо от Некрасова, которое «подняло дух и поощрило к продолжению занятий»: Некрасов предвещал писателю «долгую жизнь в нашей литературе». Лучшие русские писатели независимо друг от друга, в одно и то же время высказывались о Толстом как о писателе, которого ждала русская литература. Тургенев писал о нем в частном письме:

«Вот, наконец, преемник Гоголя, несколько на него не похожий, как оно и следовало».

Прибыв в Севастополь, в котором жестокость войны стала уже привычными буднями, Толстой продолжал занятия литературой, переделывал начатое, так же кропотливо вел дневник. Примечательна одна из записей военного времени, говорящая об устремлении Толстого в будущее:

«1. Быть, чем есть: а) По способностям литератором, б) По рождению — аристократом».

На целый год военная судьба связала Толстого с Крымом. Природа этого края напомнила Толстому Кавказ. Обстоятельства, при которых он находился и на Кавказе, и в Крыму, также были схожи — война. Он видел людей, живущих на прекрасной земле, которые вместо счастья дарованной им жизни испытывают тяжелые страдания.

Жизнь должна быть счастьем, добром. Война делает ее страданием. Истоки размышлений Толстого — в самых простых и самых главных вопросах человеческого бытия. На Кавказе, в Дунайской армии, в Крыму он думал и писал о человеке, живущем в условиях мира и в период войны. Писатель словно фотографировал в своем сознании события и человеческие характеры, которые впоследствии проявились в великом романе «Война и мир».

Видя положение армии, которая десятилетиями не реформировалась — вооружение составляли кремневые ружья, Толстой понимал, что Россия неизбежно проиграет эту войну. Как и во всем государстве, в армии царили воровство, взяточничество, безответственность начальников.

Толстой решил организовать с офицерами-единомышленниками издание военного журнала, в котором они намеревались писать о самых злободневных проблемах русской армии. Он обдумывал будущие материалы для журнала, а также писал статьи для узкого круга военных специалистов — в частности, подготовил подробный проект о реформировании батарей, штурцных батальонов, других армейских подразделений. Император Николай I отказал офицерам-артиллеристам в издании журнала «Военный листок». Отказ царя убедил Толстого в том, что «Россия или должна пасть, или совершенно преобразоваться».

Он обратился к Некрасову с просьбой предоставить страницы «Современника» для печатания статей военного содержания. В ответном письме Некрасов выразил не только готовность, но и радость по этому поводу. «Вкусу и таланту вашему верю больше, чем своему», — писал он.

Таким образом родилась идея описания Севастополя в различные периоды войны.

Люди, которых Толстой наблюдал рядом с собою во время Крымской войны, особенно в осажденном Севастополе — мирные жители, солдаты, — становились героями его «Севастопольских рассказов». Он писал эти людей с натуры, их портретами, характерами и действиями опровергая войну, борясь с ней не только как офицер-артиллерист, но и как художник. Один из рассказов, «Севастополь в мае», заканчивается описанием маленького мальчика, собирающего полевые цветы среди трупов. Он натывается на окоченевшую мертвую руку:

«Рука покачнулась и опять стала на свое место. Мальчик вдруг вскрикнул, спрятал лицо в цветы и во весь дух побежал прочь к крепости».

Ребенок пытается спрятать от войны свое лицо и свою душу в цветах. Художник, написавший эти строки, пытается победить войну.

Людские страдания, свидетелем которых он являлся, привели двадцатишестилетнего Толстого к мысли, на которую способен лишь великий ум. В марте 1855 года, находясь на передовой, Толстой написал в дневнике:

«Вчера разговор о Божестве и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение, я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели».

Через несколько дней Толстой сделал следующую запись:

«Военная карьера — не моя, и чем раньше я из нее выберусь, чтобы вполне предаться литературной, тем будет лучше».

На следующий день он начал писать «Юность».

Между этими записями — об основании новой религии и о невозможности для него военной карьеры — Толстой участвовал в ночных вылазках.

Он сражался в самом опасном месте Севастополя — на четвертом бастионе.

«Тот же четвертый бастион, который мне начинает очень нравиться, я пишу довольно много... Постоянная прелесть опасности, наблюдения над солдатами, с которыми живу, моряками и самым образом войны так приятны, что мне не хочется уходить отсюда, тем более что хотелось бы быть при штурме, ежели он будет».

Читая «Севастопольские рассказы», невольно ужасаешься не только смертям солдат, моряков, сестер милосердия — но и возможности его, Толстого, смерти. Ведь его могло убить тысячи раз! Невозможная мысль.

И. Панаев, соредактор Некрасова, писал в эти дни Толстому:

«Мы все, интересующиеся сколько-нибудь русской литературой, молимся за вас, да спасет вас Бог!.. Пожалуйста, Лев Николаевич, не забывайте русскую литературу и “Современника”, если в Севастополе можно теперь о чем-нибудь помнить».

Успех очерков о Севастополе, которые печатались в «Современнике», был огромным. «Севастополь в декабре» по приказу Александра II был переведен на французский язык и напечатан в правительственной газете, выходившей в Брюсселе. Европа впервые узнала имя русского писателя Льва Николаевича Толстого.

В конце августа 1855 года русские войска оставили Севастополь. Толстой участвовал в последнем августовском сражении. Он командовал пятью орудиями и не удержался от слез отчаяния, увидев французские знамена на бастионах. Вместе с батареей он отступил в селение Керменчик близ Бахчисарая. Война была проиграна.

Толстой оставался в войсках до ноября, когда был командирован в Петербург курьером. Душевное состояние его было крайне тяжелым. Переживания последних месяцев войны усилились угрызениями совести: в один из последних вечеров перед отъездом он проиграл в карты огромную сумму. Толстой чувствовал себя греховным вдвойне: во-первых, поддался искушению страсти, которую старался изживать в себе всю жизнь, во-вторых, это искушение настигло его в тот момент, когда после перенесенных испытаний он чувствовал необходимость собрать в своей душе все добрые нравственные силы.

Петербург поразил его мирной жизнью, в которой он сам себе казался непривычен. Офицер с богатым военным опытом, зрелый писатель, привыкший за пять лет к относительно одиночеству, Толстой попал в общество профессиональных литераторов, которые с восторгом долгожданной встречи приняли его. Он остановился у Тургенева, которому еще раньше заочно посвятил свой рассказ «Рубка леса». «Мы с ним сейчас же изо всех сил расцеловались. Он очень хороший», — писал Толстой в письме к сестре.

Всякого человека, с которым он виделся впервые, Толстой характеризовал в дневнике или в письмах, фиксируя свое первое впечатление.

С Тургеневым сразу же поехали к Некрасову.

«Некрасов интересен, и в нем много доброго, но в нем нет прелести, привязывающей с первого взгляда».

На обедах и вечерах Толстой читал свои новые произведения: начало «Беглеца» (будущих «Казачков»), «Севастополь в августе», неизменно восхищая слушателей.

Все новые и новые знакомства шли чередой. Чернышевский, Гончаров, Писемский, Фет, Островский, Григорович, Дружинин — каждый из них относился к Толстому с восторгом и уважением, хотя между собой они различались как по идейным, так и по литературным позициям. Но та энергия, которую он привез с собой с «вольной» жизни,

выделяла его среди петербургских писателей, порой вызывая у них разноречивые оценки. Так, Тургенев, сообщая Анненкову, что у него более двух недель живет Толстой, писал:

«Что это за милый и замечательный человек... Я его полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое».

В то же время Фет записал другие слова Тургенева о Толстом:

«Вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во все тяжкие. Кутежи, цыгане и карты всю ночь; а затем до двух часов спит, как убитый. Старался удерживать его, но теперь махнул рукой».

О положении Толстого как человека, попавшего в непривычную для него среду после пяти лет службы, свидетельствует и запись Дружинина об обеде у Некрасова, на котором присутствовал цензор Бекетов:

«Толстой вел себя милейшим троглодитом, башибузуком и редифом. Он не знал, например, что значит цензурный комитет и какого он министерства, затем объявил, что не считает себя литератором».

На подобных вечерах Толстой часто сходилась в спорах с другими писателями, опровергая их устоявшиеся мнения, особенно если речь шла о поклонении литературным авторитетам. Сказывалась вольность и накопленная годами в одиноких раздумьях самостоятельность суждений, нерастраченная энергия общения.

Со временем Толстой стал более спокоен в спорах, хотя никогда не уступал своей позиции. Он часто замечал, что человек придерживается того или иного мнения не потому, что так думает сам, а потому что этого мнения придерживается круг людей, к которому он принадлежит. Литераторы, входившие в круг «Современника», с которыми познакомился Толстой в первые месяцы после возвращения, к этому времени были уже явно расколоты на два лагеря — либеральный, возглавляемый Дружининым, и революционно-демократический, во главе которого стоял Чернышевский.

Толстой по своему характеру, по всей своей сущности не мог примкнуть ни к одному лагерю. Он уважал Чернышевского, но не любил идей, которые тот проповедовал. Ненадолго сблизился и с Дружининым, но не по идейным вопросам, а по эстетическим.

После двух месяцев бурной петербургской жизни Толстой уехал в Москву, где познакомился с братьями Аксаковыми, которым читал главы из «Романа русского помещика».

К этому времени относится первое упоминание о Толстом другого великого писателя — Достоевского:

«Л. Т. мне очень нравится, но, по моему мнению, много не напишет (впрочем, может быть, я ошибаюсь)».

Толстой успел навестить умирающего в Орле от чахотки брата Дмитрия. Эта встреча будет впоследствии художественно отражена в романе «Анна Каренина» как встреча Левина с умирающим братом Николаем. Через две недели Дмитрий скончался.

Толстой вернулся в Петербург, где заключил контракт с «Современником», по которому четыре года обязывался помещать все свои новые произведения только в этом журнале.

В то же время он продолжал состоять на военной службе, которая отвлекала от творчества, поэтому подал прошение об одиннадцатимесячном отпуске с тем, чтобы после него полностью уйти в отставку. Отпуск предоставили вместе с произведением в поруки «За отличную храбрость и мужество, оказанные в деле 4 августа у Черной речки».

Первый опыт крестьянской реформы. Европа

Еще в то время, когда Толстой работал над проектами переустройства армии, он понял, что реформы необходимы не только в армии, но и во всем государственном

механизме. Общась в Севастополе с солдатами — крестьянами в шинелях, Толстой пришел к твердому убеждению о необходимости отмены крепостной зависимости.

Подаяв прошение об отставке, он собирался сосредоточиться не только на литературной деятельности. «Мое отношение к крепостным начинает сильно тревожить меня», — писал он в дневнике. Желание воплотить давнюю мечту о переустройстве жизни крестьян захватило Толстого. В апреле 1856 года, задолго до официальной отмены крепостного права, он писал наброски проектов освобождения своих крестьян, заметки о фермерстве как способе свободного труда с наделением земель в личное владение, составлял «Предложение крепостным мужикам и дворовым сельца Ясной Поляны».

«Господь Бог вложил мне в душу мысль отпустить вас всех на волю» — такими словами начиналось «Предложение». Оно заключало в себе следующее условие: освобождение от барщины и всех других повинностей с тем, чтобы крестьяне ежегодно в течение 30 лет платили ему по 5 рублей с десятины находящейся в их пользовании земли. После этого срока земля переходила в полную собственность крестьян.

Толстой обратился в правительство с докладной запиской об освобождении яснополянских крестьян и получил уклончивый ответ. Реформы витали в воздухе, но правительство медленно и нерешительно приступало к практическим действиям.

Вернувшись в Ясную Поляну, Толстой созвал сельский сход и предложил крестьянам выйти на волю. Они тоже не дали определенного ответа. Складывалась странная ситуация: и «сверху», и «снизу» боялись свободы. Толстой оказался в затруднении. В «Дневнике помещика» он описал тупиковую ситуацию, когда крестьяне не верили барину, подозревая обман. После третьего схода крестьяне отказались от освобождения на условиях, предложенных Толстым. Они ожидали, что земля вот-вот перейдет в их собственность бесплатно, и считали, что барин просто пытается опутать их выгодными для себя выкупными обязательствами.

Недоверие крестьян сильно огорчило Толстого, но он продолжил свою работу над новым проектом земельного договора, стараясь изложить все условия так, чтобы крестьяне увидели свою явную выгоду. Толстой понимал, что это чрезвычайно трудно. Трудно втолковать темному, забитому мужику простые вещи: что честно жить и работать выгодно, что работа на своей земле приятнее и прибыльнее, чем на чужой, что быть хозяином лучше, чем рабом. Толстой понял, что крестьян необходимо учить. Мысль об открытии школы для крестьянских детей не покидала писателя.

Прошел всего лишь год после его возвращения из Крыма. За этот год Толстой утвердился в ряду лучших писателей России, вернулся в свою усадьбу хозяином, пекущимся об улучшении жизни крестьян, закончил рассказ «Севастополь в августе», повесть «Юность», написал рассказы «Метель», «Разжалованный», повести «Два гусара» и «Утро помещика», продолжил работу над «Казачками». Казалось бы, исполнены юношеские мечты, в которых он жаждал славы и деятельной жизни на пользу ближних. Ему всего двадцать восемь лет, а сколько уже пережито, свершено! Но Толстой был недоволен собой. Недоволен своим управлением имением и крестьянами, корил себя за то, что не исполняет правил жизни, им же самим для себя установленных, в творчестве был требователен к себе свыше всякой меры, переписывая порой отдельные вещи по несколько раз. Его неутомимая внутренняя энергия выплескивалась на страницы дневника. Ему необходимы были новые впечатления, новые обстоятельства внешней жизни.

В ноябре 1856 года Толстой вышел в отставку и в самом начале 1857 года выехал за границу. Среди людей его круга это было принято. Ездили на воды — лечиться, ездили посмотреть Европу — чтобы почувствовать и себя европейцами. Толстой ехал, подчиняясь, может быть, неосознанному стремлению подвести некий событийный итог прошедшему. В Ясной Поляне оставаться было тяжело — после неудачного решения крестьянского вопроса «в отдельно взятом имении». В Петербурге он стал чувствовать

себя неуютно среди писателей, ведущих между собой идейную битву: Толстой не хотел быть ее участником.

Первое путешествие Толстого по Европе длилось полгода. Он посетил Францию, Швейцарию, Италию, Германию.

«Вчера приехал я в Париж, и застал тут Тургенева и Некрасова. Они оба блуждают в каком-то мраке, грустят, жалуются на жизнь — празднуют и тяготятся, как кажется, каждый своими respetивными отношениями».

Тесен мир для русских писателей!

Толстому понравился Париж. Здесь он ощутил, что нет ни одного человека, «на которого не подействовало бы это чувство социальной свободы, которая составляет главную прелесть здешней жизни и о которой, не испытав ее, судить невозможно».

Толстой проводил время в частых беседах с Тургеневым, в посещениях театров, музеев и лекций в Сорбонне. Усиленно работал. Тургенев, навестив однажды Толстого, записал, что тот сидит не близ камина, «но в самом камине, на самом пылу огня, — он работает усердно, и страницы исписываются за страницами». Всю жизнь люди, близко знавшие Толстого, удивлялись его работоспособности. Тургенев без тени зависти писал в письме Боткину: «Это, говоря по совести, единственная надежда нашей литературы».

Однажды, поддавшись парижскому интересу к будоражающим нервы зрелищам, Толстой поехал смотреть гильотинирование. Вид публичной казни ошеломил его. Он записал в дневнике:

«Я видел много ужасов на войне и на Кавказе, но ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека... Закон человеческий — вздор! Правда, что государство есть заговор не только для эксплуатации, но, главное, для развращения граждан... Я же во всей этой отвратительной лжи вижу одну мерзость, зло и не хочу и не могу разбирать, где ее больше, где меньше... Я... никогда не буду служить нигде никакому правительству».

После этого «гильотина долго не давала спать и заставляла оглядываться». Толстой решил покинуть Париж и проехать по местам, которые любил кумир его юности — Руссо.

Более двух месяцев он прожил на берегу Женевского озера, пешком путешествовал по окрестностям, описывая по-своему картины природы, воспетые Руссо. Наедине с природой, как и на Кавказе, Толстой был счастлив:

«Физическое впечатление, как красота, через глаза вливалось мне в душу. ...Вдруг нас поразил необыкновенный, счастливый, белый весенний запах. Все уже было черно кругом. Месяц светил на просторную поляну, потоки равномерно гудели в глуби оврага, белый запах нарциссов одуреваше был разлит в воздухе...»

Подобные «физические впечатления» Толстой фиксировал в дневнике во время почти двухнедельного пешего путешествия по горам, которое он предпринял вместе с одиннадцатилетним мальчиком Сашей Поливановым. Он сверял свои впечатления с впечатлениями Саши и радовался совпадениям. Великий художник радовался тому, что умеет чувствовать природу, как ребенок.

В Люцерне Толстой оказался свидетелем уличной сценки, давшей тему для рассказа «Люцерн». Смех довольных и сытых людей над уличным музыкантом, их нежелание сидеть с этим человеком в одном зале ресторана, — все это возмутило писателя. Подмеченная им «несообщительность» людей, испорченных цивилизацией, стала одной из главных тем в европейском искусстве XX века — темой отчуждения. Автор остался доволен «Люцерном» и записал в дневнике после завершения работы:

«Хорошо. Надо быть смелым, а то ничего не скажешь, кроме грациозного, а мне много нужно сказать нового и дельного».

По этой записи видно, что Толстой всегда был занят поиском своей особенной манеры изобразительности, в которой нет места излишней «грациозности». Правдивость и художественность для Толстого — почти синонимы. Правда и красота — эти два слова наиболее часто употребляются им в дневниках и зачастую стоят рядом.

В Россию Толстой возвращался через Германию. Даже во время путешествия, в дороге, помногу работая над начатыми произведениями, делая записи в дневнике, он скушал без деятельности. Переносясь в мыслях в Ясную Поляну, он записывал в дневнике:

«Главное — сильно, явно пришло мне в голову завести у себя школу в деревне для всего околотка и целая деятельность в этом роде».

В Баден-Бадене произошла беда, так часто его настигавшая: он проигрался в рулетку. К счастью, в Баден-Баден приехал Тургенев, который помог с деньгами. Но и эту сумму, взятую у Тургенева, Толстой сразу же проиграл. Раскаяние мучило его. «Давно так ничто не грызло меня», — писал он в дневнике.

В Дрездене, посетив картинную галерею, Толстой был «сильно тронут» «Сикстинской мадонной» Рафаэля. Большая копия с этой картины займет вскоре чуть ли не всю стену кабинета в Ясной Поляне.

Известие о разводе сестры Марии с мужем ускорило возвращение Толстого в Россию. После трехдневного плавания по морю Толстой прибыл в Петербург. У Некрасова он читал «Люцерн» — «с раздражением внутренним и со слезами в конце». Тургеневу рассказ не понравился. Он писал об этом Боткину:

«Я прочел небольшую его вещь, написанную в Швейцарии. Не понравилась она мне: смешение Руссо, Теккерея и краткого православного катехизиса».

«Прелесть Ясная». Попытки любви

В Ясную Поляну Толстой вернулся со сложным чувством: переполненность впечатлениями и душевная усталость.

«Прелесть Ясная. Хорошо и грустно. Но Россия противна, и чувствую, как эта грубая, лживая жизнь со всех сторон обступает меня».

После большого путешествия, после глубоких размышлений, которые настигали его в дороге, Толстой словно бы оказался опять в начале своего пути. В который раз, повторяясь, он записывает в дневник мысли о своем назначении:

«Главное — литературные труды, потом семейные обязанности, потом хозяйство».

Хозяйство, по его мнению, необходимо «оставить на руках старосты, и пользоваться только двумя тысячами, остальное употреблять для крестьян».

Толстой начал выпускать крестьян на волю без выкупа, но с выгодным для них оброком, то есть с оговоренной ежегодной платой. Крестьяне с недоверием восприняли и этот шаг своего помещика, неохотно шли на оброк.

В одном из писем Толстой в то время писал:

«В России скверно, скверно, скверно. В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши тоже происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие... Приехав в Россию, я долго боролся с чувством отвращения к родине и теперь только начинаю привыкать ко всем ужасам, которые составляют вечную обстановку нашей жизни».

После поездки за границу, после многих впечатлений и разочарований Толстой чувствовал в себе перемену взгляда на жизнь.

«Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек... Чтоб жить честно, надо рваться, путаться,

биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость».

О крайне напряженном, «надрывном» состоянии души Толстого в это время свидетельствует поразительная запись в дневнике, где соседствует мысль о смерти и огромная жизненная энергия:

«Мне все кажется, что я скоро умру. Леню писать с подробностями, хотелось бы все писать огненными чертами».

Разочарования, которые приносила жизнь графу Толстому, вступали в противоречие с нерастраченной энергией художника, стремившегося эту жизнь описывать.

После возвращения из-за границы Толстому казалось, что жизнь его стала однообразной. Он часто выезжал из Ясной Поляны в Москву, в Петербург, но эти поездки не приносили ему событийного удовлетворения — он жаждал деятельности. Он по-прежнему пытался писать в правительство записки с предложениями по крестьянскому вопросу, предлагал своим друзьям-литераторам осуществить идею нового литературного журнала — но его идеи не находили должного отклика.

Тридцатилетний человек чувствовал себя постаревшим. До сих пор жизнь его состояла из важных и больших событий. Кавказ, Крым, литературное признание, поездка за границу, попытки устроить жизнь собственных крестьян — все это соответствовало порывам деятельной натуры Толстого. И вдруг началась жизнь, знакомая во всех своих внешних проявлениях: яснополянский быт, литературные и светские будни Москвы и Петербурга... Он много писал, работал, печатал свои новые произведения, но собственно литературной жизни Толстому было мало.

Как только он чувствовал разочарование в жизни, то всегда искал причину в себе самом. Мысль о том, что деятельная жизнь — его долг, не покидала Толстого. Быть счастливым можно только тогда, когда приносишь счастье другому — иначе он не думал никогда.

Толстой захотел полюбить. Дневники этого года пестрят оценками знакомых женщин, описанием того идеала, который он выстроил в своей душе. Письма к соседке по имени Валерии Владимировне Арсеньевой напоминают нравоучительные трактаты о взаимоотношениях людей, словно Толстой сам себе старается объяснить место жены и мужа друг подле друга.

«Поверьте, ничто в мире не дается без труда — даже любовь, самое прекрасное и естественное чувство, — писал он. — Нам предстоит огромный труд — понять друг друга и удержать друг к другу любовь и уважение».

Толстой требовал от будущей жены самопожертвования ради главного дела, которому посвятит себя муж: «Сделать сколько возможно своих крестьян счастливыми».

Когда уже велись разговоры о свадьбе, Толстой неожиданно, без объяснений, уехал — почти сбежал. Он понимал, что нарушает принятые в приличном обществе законы, но ничего не мог с собой поделать: слишком чувствовалась в его отношениях с Арсеньевой искусственность и нарочитость. Впоследствии в повести «Семейное счастье» Толстой представил, что могло бы получиться из их романа с Арсеньевой. Увлечшись женщиной, герой «Семейного счастья» пытается внушить ей свои взгляды, перевоспитать ее. Он женится на своей избраннице, но у них нет общих чувств. Чувство нельзя «сделать»; муж и жена глубоко несчастны.

Толстой был по-настоящему очарован своей тетей Александрой Андреевной Толстой, которая была старше его на десять лет:

«Прелесть Александрин, отрада, утешение и не видал я ни одной женщины, доходящей ей до колена».

Лев Николаевич и Александра Андреевна понимали, что их чувства друг к другу намного сильнее родственных отношений. Но слишком много препятствий было между ними — родство, возраст...

Тридцатилетний Толстой записал в дневнике:

«Надо жениться в нынешнем году — или никогда».

Никакой другой год не внес в дневник Толстого столько женских имен. Все они лишь увеличивали разочарование:

«Любви нет».

«Шел с готовой любовью к Тютчевой. Холодна, мелка, аристократична. Вздор!»

«Княжна Щербатова швах».

«Щербатова прелесть. Весело целый день. С Тютчевой невольность и холодность».

«Чичерина мила».

«Вечер у Валерии. Она недурна».

«Я почти был готов без любви спокойно жениться на ней [Тютчевой], но она старательно-холодно приняла меня».

Была еще одна любовь — к яснополянской крестьянке Аксинье Базыкиной.

«Видел мельком Аксинью. Очень хороша. Я влюблен, как никогда в жизни. Нет другой мысли. Мучаюсь».

После рождения сына Толстой едва не женился на Аксинье — но, видимо, так и не решился ввести крестьянку в спальню своей матери.

Чувства Толстого были настолько беспокойными, живыми, осязаемыми, он настолько ясно их обдумывал, что вряд ли таким чувствам могли найтись похожие — встречные. О его душевном состоянии в то время свидетельствует незначительная на первый взгляд фраза, которой Толстой начал одно незаконченное произведение:

«Он не мог ни уехать, ни остаться...»

Толстой словно страдал от спокойной жизни. Он вспоминал Кавказ, и в этих воспоминаниях чувствовалась ностальгия по прошедшим временам:

«Я был одинок и несчастлив, живя на Кавказе. Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть записки того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда. Это было и мучительное, и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время, продолжавшееся два года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением».

Школа Европы и Ясной Поляны

Изменить жизнь с помощью «семейного счастья» не удалось.

Продолжать жизнь так, как она текла сама собою, Толстой не мог.

Спасение было в деятельности. Толстой вернулся к своей мечте: задумал возродить в Ясной Поляне школу, которую пытался открыть еще по выходе из университета. Чтобы подробнее ознакомиться с постановкой школьного дела в Европе, он решил совершить еще одно заграничное путешествие.

В это время обострился туберкулез у брата Николая. Врачи послали его лечиться за границу, и Лев Николаевич с сестрой Марьей поехали следом за братом, здоровье которого ухудшалось с каждым днем.

12 августа 1860 года в Киссингене Лев Николаевич увидел брата и записал в дневнике:

«Положение Николеньки ужасно. Страшно умен. Ясен. И желание жить. А энергии жизни нет».

Марья Николаевна повезла больного брата на юг Франции; Лев Николаевич путешествовал один. Он осматривал немецкие школы, встречался с педагогами и учеными. Не все ему нравилось. После посещения одной из школ записал:

«Ужасно. Молитва за короля, побои, все наизусть, испуганные, изуродованные дети».

Наблюдал труд сельскохозяйственных рабочих:

«Поденщики работают меньше, чем вдвое меньше наших баб, и 20 копеек в день. Невежество, нищета, лень, слабость».

Брата с сестрой он нагнал в Зодене, откуда все вместе поехали в курортный городок для легочных больных Гиер. Надежды на выздоровление Николая уже не было. 20 сентября 1860 года он умер.

Смерть горячо любимого брата потрясла Льва Николаевича. На его глазах закончилась жизнь самого умного, благородного человека из всех, кого он только знал.

«К чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью подлости, лжи, самообманывания и кончатся ничтожеством, нулем для себя. Забавная штучка»

— в этой дневниковой записи чувствуется, как болезненно обострены были нервы у Толстого в то время.

С лица Николая Николаевича сняли маску. Лев Николаевич заказал бюст брата, который всегда будет стоять в яснополянском доме.

После потери брата Толстой сел дописывать «Казаков», навсегда отбিরая у смерти ту жизнь, которую они с Николаем видели на Кавказе. Горе он успокаивал работой.

«Скоро месяц, что Николенька умер. Страшно оторвало меня от жизни это событие... Николенькина смерть — самое сильное впечатление в моей жизни. Нерешительность, праздность, тоска, мысль о смерти. Надо выйти из этого. Одно средство: усилие над собой, чтоб работать... Дописать первую главу до обеда».

Всю осень и зиму Толстой путешествовал по Италии, Франции — собирал книги по педагогике, посещал школы, фабрики, при которых были устроены школы для рабочих. Он писал в одном из писем, что главная цель его заграничной поездки состоит в том, «чтобы никто не смел в России указывать по педагогии на чужие края и чтобы быть на уровне всего, что сделано по этой части».

В конце февраля Толстой приехал в Лондон, где познакомился с Герценом и Огаревым. С Герценом виделся почти каждый день, он заинтересовал Толстого «своей личностью». Удивительны их отзывы друг о друге: в то время как Толстой восхищался глубиной и блеском мыслей Герцена, тот отмечал в Толстом прежде всего добродушие и впечатлительность. Толстой часто впоследствии вспоминал запавшие ему в душу слова Герцена:

«Когда бы все люди захотели вместо того, чтобы спасти мир, спасти себя, вместо того, чтобы освободить человечество, себя освободить — как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества».

Обратный путь Толстого в Россию был неторопливым — с посещением Голландии, Бельгии, Германии. Во всех городах писатель неустанно посещал школы, покупал необходимые книги, физические и математические приборы, которые пригодятся в яснополянской школе.

В Брюсселе Толстой, по рекомендации Герцена, встретился с Прудоном. Он так пересказывал свой разговор со знаменитым философом:

«Насколько можно судить издали, в русском обществе проявилось сейчас сознание того, что без образования народа никакое государственное устройство не может быть прочно. — Прудон вскопчил

и прошелся по комнате. — Ежели это правда, – сказал он мне, как будто с завистью, – вам, русским, принадлежит будущность».

В апреле 1861 года Толстой вернулся в Россию.

«Я везу с собой столько впечатлений и столько знаний, что мне придется долго работать, чтобы разместить все это в порядке в моей голове».

Прибыв в Петербург, писатель сразу же отправился на прием к министру народного просвещения, изложил ему свои взгляды на сущность образования и подал прошение об издании журнала «Ясная Поляна». Журнал предполагалось издавать двумя ежемесячными выпусками. Первый выпуск должен был содержать педагогические статьи, второй — материал для детского чтения «Книжки Ясной Поляны». Издание журнала было разрешено.

Вернувшись в Ясную Поляну, Толстой собрал крестьян и прочел им Положение 19 февраля об отмене крепостного права. Своим крестьянам он дал самый большой надел земли в собственность, допускавшийся по закону в данной местности. Одновременно Толстой объявил о возобновлении занятий в крестьянской школе. Первая лекция, которую он подготовил для школьников, была посвящена истории и называлась «Школа прекрасного». Занятия проходили прямо в яблоневом саду: погода стояла теплая, а флигель, в котором предполагалось разместить школу, перестраивался.

Толстой готовил и проводил все занятия сам — по физике, истории, словесности. Он писал в письме к А.А. Толстой: «Моя школа идет отлично».

Учителей Тульской гимназии Толстой пригласил в Ясную Поляну и предложил им участвовать в его педагогическом журнале «Ясная Поляна». Для преподавания в школе были приглашены одиннадцать студентов.

В это же время Тульский губернатор назначил Толстого мировым посредником Крапивенского уезда в разрешении спорных вопросов между помещиками и крестьянами. По тому, как местное дворянство было недовольно деятельностью графа Толстого, можно судить о том, что в решении спорных вопросов он всегда держал сторону крестьян. «Используя служебное положение», он заботился и о том, чтобы в уезде как можно шире открывались школы. Это не везде приветствовалось помещиками, так как после Закона 19 февраля они были полностью заняты тем, чтобы выгоднее для себя решить земельный вопрос. Уездный предводитель дворянства докладывал начальству о «несочувствии крапивенского дворянства к графу Толстому по распоряжениям его в собственном его хозяйстве». Сам же Толстой считал, что «посредничество дало мало матерьялов, а поссорило меня со всеми помещиками окончательно и расстроило здоровье».

К этому времени относится один важный эпизод в отношениях Толстого с Тургеневым, которые всегда были неровными и порой натянутыми. Их дружба была странной: они то тянулись друг к другу, как разнополюсные магниты, то отталкивались, как однополюсные. К тому же между Тургеневым и сестрой Толстого Марьей Николаевной был роман, а Лев Николаевич считал, что счастье сестры с этим человеком невозможно. Тургенев, по мнению Толстого, не любил, а любил любить, оставаясь при этом неискренним.

В мае 1861 года Лев Николаевич приехал к Тургеневу в Спасское-Лутовиново, чтобы слушать в рукописи роман «Отцы и дети». Во время чтения Толстой — то ли от усталости после дороги, то ли оттого, что роман не заинтересовал его, заснул. Но не это обстоятельство, вполне достаточное для ссоры, послужило ее поводом. Толстой с Тургеневым поехали к Фету, и там, за завтраком, Тургенев похвастался благотворительностью своей дочери, которая собирала у крестьян ветхую одежду для починки. Толстой резко высказался о фальши и неискренности такой деятельности. Тургенев, не владея собой, воскликнул, что если Толстой будет говорить в таком же тоне, то он даст ему «в рожу». Толстой уехал и послал Тургеневу письмо с вызовом на дуэль.

Фет предпринял попытки к примирению соперников, и, благодаря его стараниям, до дуэли дело не дошло. Писатели формально объяснились, но по существу — разошлись. Толстой записал в дневнике:

«Замечательная ссора с Тургеневым, окончательная — он подлец совершенный, но я думаю, что со временем не выдержу и прощу его».

Очень точно передал сущность отношений Толстого и Тургенева Боткин:

«Я думаю, что в сущности у Толстого страстно любящая душа и он хотел бы любить Тургенева со всею горячностью, но, к несчастью, его порывчатое чувство встречает одно кроткое, добродушное равнодушие. С этим он никак не может помириться».

Писатели помирились только в 1878 году, искренне сожалея о нелепости происшедшей между ними ссоры.

Толстой много сил отдавал школе, изданию журнала «Ясная Поляна». За студентами, которые преподавали в Ясной, Третье отделение установило надзор, так как в России в то время происходили студенческие волнения. Должность мирового посредника приносила Толстому много хлопот; от переживаний расшатались нервы. В апреле 1862 года он оставил эту должность «по болезни». В своей «Исповеди» Толстой написал, что тогда «заболел больше духовно, чем физически».

Стала вдруг явной угроза туберкулеза — наследственной болезни, от которой умерли братья Дмитрий и Николай. Было решено поехать в башкирские степи на кумыс: это считалось действенным средством против туберкулеза.

Незадолго до отъезда, как это часто бывало с Толстым во время душевного беспокойства, он проиграл в карты крупную сумму. Чтобы поправить свое материальное положение, он занял у Каткова, издателя журнала «Русский вестник», тысячу рублей с обязательством предоставить журналу в счет долга «кавказский роман». Речь шла о повести «Казачьи».

Нет худа без добра, говорит русская пословица. Если бы не карточный проигрыш, сколько бы еще времени писал свою повесть (а она и без того писалась десять лет!) Лев Николаевич — кто знает? Толстой сам признавался, что мог бы писать ее всю жизнь, время от времени возвращаясь к ней. Сообщая Боткину о своем проигрыше и о займе у Каткова под «кавказский роман», Толстой писал:

«Подумавши здраво, очень рад, ибо иначе роман бы этот, написанный гораздо более половины, пролежал бы вечно и употребился бы на оклейку окон».

12 мая 1862 года Толстой вместе со своими учениками Василием Морозовым и Егором Черновым и слугой Ореховым выехал из Ясной Поляны в самарские степи на кумыс. Лев Николаевич шутил:

«Не буду ни газет, ни писем получать, забуду, что такое книга, буду валяться на солнце брюхом вверх, пить кумыс да баранину жрать, сам в барана обращусь, вот тогда выздоровлю!»

Ехали две недели — через Москву, Казань, Самару. Из Самары последние 130 верст до башкирского кочевья Каралык добирались на лошадях. «Путешествие я сделал прекрасное. Места мне очень нравятся», — сообщал Толстой Т. Ергольской.

В Каралыке он стал пить кумыс. Вместе со своими спутниками жил в большой белой юрте, много ездил на лошади по степи, плавал в холодных башкирских реках, по ночам смотрел на ясные звезды на просторном, как сама здешняя степь, небе.

Кашель прекратился — призрак смерти от чахотки, которая унесла братьев, отступил. Лев Николаевич успокоился, стал больше работать. Мысли его вернулись к делам, оставленным в Ясной Поляне — школе, изданию журнала. Он не получал писем из дома больше месяца. Наконец, пришло письмо от тетушки А.А. Толстой. Кроме беспокойства о здоровье Льва Николаевича, она высказывала беспокойство и по другим причинам,

о которых не могла говорить в письме. «Нам во что бы то ни стало надо увидеться этой осенью», – писала она. По-видимому, тетушка догадывалась, что переписка Толстого к тому времени уже была под надзором полиции, как и вся деятельность Льва Николаевича.

К студентам, которые преподавали в яснополянской школе, были приставлены сыщики. Агенты полиции переусердствовали в своем рвении, доложив начальству о запрещенном характере их деятельности. В то время всякая студенческая группа рассматривалась как рассадник революционного вольнодумства. С одобрения самого царя Александра II шеф жандармов князь В.А. Долгоруков дал предписание «сделать надлежащее дознание, и если по оному откроется что-либо противузаконное, передать виновных в распоряжение полиции».

6 и 7 июля 1862 года в Ясной Поляне жандармы во главе с полковником Дурново произвели обыск: взломали полы в конюшне, закидывали невода в пруд. Обыск был сделан и еще в двух толстовских школах — в селе Колпне и в селе Кривцове. Искали подпольную типографию, запрещенную литературу. Жандармами была прочитана переписка Толстого, просмотрена вся его библиотека. Ничего подозрительного, кроме двух выписок из Герцена у одного из студентов, не нашли.

Горничная Ергольской Дуняша успела вынести из толстовского кабинета портфель с несколькими запрещенными книгами и карточками Герцена и Огарева, подаренными Толстому в Лондоне. Портфель был выброшен в канаву; таким образом были спрятаны единственные улики.

Поправив свое здоровье, в июле Толстой покинул башкирские степи. В Москве он узнал об обыске в Ясной Поляне. Негодованию его не было предела. Он опасался, что его школьная деятельность испорчена в глазах крестьян по глупейшему недоразумению, допущенному жандармами.

«Ежели бы можно было уйти куда-нибудь от этих разбойников с вымытыми душистым мылом щеками и руками, которые приветливо улыбаются... не видать всю мерзость житейского разврата — напыщенного, самодовольного и в эполетах и кринолинах», –

писал он А.А. Толстой по поводу обыска.

Толстой решил обратиться к царю, чтобы «получить такое же гласное удовлетворение, как и оскорбление». Задевающий дворянскую честь обыск в родительском доме настолько потряс Льва Николаевича, что он стал подумывать об отъезде за границу — так же, как и Герцен. Но Толстой ощущал себя не революционером, а свободным человеком, оскорбленным в правах.

«К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе. Я и прятаться не стану, я громко объявлю, что продаю именья, чтобы уехать из России, где нельзя знать минутой вперед, что меня, и сестру, и мать не скуют и не высекут, — я уеду», –

писал он.

Лев Николаевич обратился к царю с письмом по поводу обыска, чтобы узнать, «кого упрекать во всем случившемся, чтобы были ежели не наказаны, то обличены виновные». Через месяц шеф жандармов через тульского губернатора сообщил в ответ на письмо Толстого: хотя некоторые из проживающих у него лиц «и оказались не имеющими для жительства законных видов, а у одного хранились запрещенные сочинения, его величеству благоугодно, чтобы помянутая мера (то есть обыск) не имела собственно для графа Толстого никаких последствий».

Прямых извинений за жандармскую тупость не последовало. Неизвестно, как завершил бы Толстой всю эту историю, если бы не перемены в его личной жизни. Он писал о себе:

«Я, старый, беззубый дурак, влюбился. Да. Я написал это слово и не знаю, правду ли я сказал и так ли я сказал».

Женитьба

Толстой влюбился в восемнадцатилетнюю Софью Андреевну Берс.

Софья Берс родилась в 1844 году в семье московского врача А.Е. Берса. Она получила хорошее воспитание и имела образование, типичное для барышни ее лет: играла на фортепиано, часто бывала в театре, участвовала в домашних спектаклях, писала милые полудетские повести, шила, вышивала, выдержала экзамены на звание домашней учительницы и получила соответствующий диплом, имела навыки домашнего труда...

Часто бывая в семье А. Берса, Толстой знал Софью с ее детских лет. Берсы имели виды на Льва Николаевича как на жениха старшей из своих дочерей — Лизы. Но судьба распорядилась иначе: Толстой влюбился в Софью.

«Участь моя решена — я женюсь», — писал когда-то Пушкин. Участь Толстого тоже была решена, как бы он ни прислушивался к своим сомнениям в чувствах, как бы ни взвешивал все «за» и «против». Лев Николаевич выбрал наконец человека, которому признался в любви. Он показал невесте свои дневники, недавно так грубо просмотренные жандармами.

Но с самого начала отношений с Софьей Андреевной Толстого не оставляли сомнения — казалось, чем больше он любил, тем больше сомневался в искренности своих чувств. В день свадьбы Лев Николаевич почувствовал, как он признавался себе в дневнике, «страх, недоверие и желание бегства». С утра он пришел к невесте и стал мучить ее сомнениями в ее любви к нему. Софья Андреевна решила, что он испугался женитьбы и хочет бежать. Она плакала, ее мать говорила с женихом, уговаривая его быть спокойнее. «Льву Николаевичу стало как будто совестно. Он скоро ушел», — вспоминала Софья Андреевна.

Свадьба состоялась 23 сентября 1863 года.

Когда читаешь дневниковые записи, сделанные в те «счастливые» дни, становится страшно от переизбытка противоречивых чувств, испытываемых Толстым. Кажется, что одному человеку не под силу испытать все переживания, только часть которых описал в дневнике Толстой. В одном небольшом отрывке каждое из предложений по чувству и по мысли отвергает предыдущее, и если не учитывать, что эти слова писал влюбленный, можно было бы отнести их к горячечному бреду сумасшедшего:

«Я себя не узнаю. Все мои ошибки мне ясны. Ее люблю все так же, ежели не больше. Работать не могу. Нынче была сцена. Мне грустно было, что у нас все, как у других. Сказал ей, она оскорбила меня в моем чувстве к ней, я заплакал. Она прелесть. Я люблю ее еще больше. Но нет ли фальши? ...С студентами и с народом распростился».

Последнее означало, что яснополянская школа закрылась. Толстого захватила страсть внутренних переживаний. Он, как заболевший внезапной непонятной болезнью, прислушивался к каждому своему чувству в надежде определить как можно яснее, что с ним, в какую сторону несет его жизнь, к добру или к худу? И не мог выяснить этого определенно...

За долгие годы жизни с Софьей Андреевной Толстой испытал к ней, наверное, все чувства, свойственные человеческой природе, — от безоглядной любви до ненависти. Он, например, давал жене читать свои дневники, но при этом (уже к концу жизни!) завел дневник для одного себя, который прятал за обивку кресла в кабинете. Он был искренен с женой во всем, но при этом понимал как проницательный психолог, что его чрезмерная, нечеловеческая искренность может оттолкнуть Софью Андреевну.

Может быть, в отношениях с Софьей Андреевной наиболее полно проявился сложный характер Толстого. Он был переполнен чувствами, они кипели в нем, выбрасывая

на поверхность души всплески совершенно неожиданных *проявлений*. Надо сказать, что Софья Андреевна была под стать своему мужу. Ее любовь к нему была так же велика, как ее страшная ревность — ко всему, что окружало Толстого. Софья Андреевна ревновала к прежней жизни: к «крестьянским детям», к самой крестьянке Аксины, которую когда-то любил Толстой, к казачке Марьянке, которую он описал в «Кзаках». Противоречивые и противоположные по чувству записи соседствовали друг с другом в ее дневниках:

«Он мне гадок с своим народом. Я чувствую, что или я, т. е. я пока представительница семьи, или народ с горячей любовью к нему Левы. Я для него живу, им живу, хочу того же, а то мне тесно и душно здесь... Если б я могла и его убить, а потом создать нового, точно такого же, я и то сделала бы с удовольствием».

Записи, свидетельствующие о чрезвычайно напряженной внутренней жизни, делались в минуты душевного беспокойства — или после частых ссор, или после таких же частых примирений. Если читать записи из дневников Толстого и Софьи Андреевны, сделанные в одно и то же время, то кажется, что слушаешь страстную переключку двух сердец, соперничающих в огромности чувств. Эти сердца любят, сомневаются и страдают — но друг без друга жить не могут.

В то время, когда писались эти страницы двух дневников, жизнь в Ясной Поляне шла своим чередом под управлением молодой хозяйки. Лев Николаевич страстно увлекался разнообразными хозяйственными идеями (они в подробностях описаны в романе «Анна Каренина» как увлечения Константина Левина), но систематически занималась делами его жена. Прошли времена, когда в пустом родовом гнезде братья Толстые спали на соломе. Софья Андреевна проявила недюжинные способности и за небольшой срок сумела создать в Ясной Поляне идеальные условия для творческого труда своего мужа.

Толстой чувствовал в себе начало нового ритма жизни. Напряжение писательского труда не ослабевало в нем. Он закончил «Кзаков», написал рассказ «Холстомер» — историю лошади. Но в это же время, и это видно по записям в дневнике, Толстой испытывал огромную потребность начать новое, еще неизвестное для него самого, огромное дело. Он чувствовал приближение большой работы. Так всегда бывало с ним при смене внешних обстоятельств жизни — Толстой сразу начинал грезить необъятными планами. Вернувшись с войны, он мечтал стать основателем новой религии, хотел изменить государственное устройство, стремился по-новому наладить систему образования. Жизненные повороты словно заносили Толстого с его непомерной жизненной энергией, увлекая по огромному радиусу. И сейчас, после изменений в личной жизни, он почувствовал в себе необходимость длительной работы, посвященной одному замыслу.

Казалось, личные переживания, любовь к молодой жене, «яснополянская идиллия» семейной жизни всколыхнули в душе Толстого самые чувствительные и чуткие струны. В то время он сам признавался, что долго вынашивал в себе, еще не осознавая этого до конца, замысел большого романа-эпопеи.

«Пропасть мыслей, так и хочется писать. Я вырос ужасно большой... Правду сказал мне кто-то, что я дурно делаю пропуская время писать. Давно я не помню в себе такого сильного желания и спокойно-самоуверенного желания писать... Эпический род мне становится один естественен».

«Мысль народная»

Работа над историческим романом начиналась исподволь. Еще в 1852 году Толстой говорил о том, что начинает «любить историю и понимать ее пользу». Тогда же он читал «Историю Англии» Юма, «Историю крестовых походов» Мишо, «Описание Отечественной войны 1813 года» Михайловского-Данилевского, множество других исторических книг — и, конечно, «Историю Государства Российского» Карамзина. За десять лет до начала работы над «Войной и миром» он записал в дневнике:

«Читал Историю войны 13 года. Только лентяй или ни на что не способный человек может говорить, что не нашел занятия. — Составить истинную правдивую Историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь». И далее: «Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений».

Размышляя в своих педагогических статьях о том, что вызывает в человеке исторический интерес, Толстой находил «два элемента: художественное чувство поэзии и патриотизм». Мысль о патриотизме подкреплялась всеми его многостраничными дневниками, всей его жизнью — и особенно воспоминаниями о севастопольских редутах...

Толстой, словно скульптор, чувствовал в глыбе исторического материала внутреннее единое содержание, но необходимо было время, чтобы откалывать от этой глыбы «лишнее».

Непосредственная работа над историческим романом началась в 1856. Первоначально роман задумывался как произведение о современности и должен был называться «Декабристы», так как главным героем Толстой собирался сделать возвращающегося из сибирской ссылки декабриста. В начале 1861 года он уже читал первую главу Тургеневу, и еще в 1863 году, который считается первым годом работы над «Войной и миром», писал именно «Декабристов».

Однако вскоре Толстой почувствовал необходимость расширить временные рамки событий. Начав повествование с 1856 года, писатель обратился к истокам декабрьского восстания 1825 года, затем — к Отечественной войне 1812 года, затем — к эпохе «неудач и поражений» 1805 года, когда наиболее полно выразился «характер русского народа и войска». Впоследствии Толстой напишет, что в «Войне и мире» он «любил мысль народную». (Так же как в «Анне Карениной» — «мысль семейную»).

Название «Декабрист» было отвергнуто, как и другие два варианта — «Три поры» и «Все хорошо, что хорошо кончается». В 1865 году журнал «Русский вестник» опубликовал первые две части нового романа графа Толстого под названием «Тысяча восемьсот пятый год». Впоследствии они подверглись суровой авторской правке.

Толстой предполагал завершить свой труд через год. Но и через два, и через три, и через четыре года он не был завершен, несмотря на то, что издание романа уже началось.

Читая свое произведение в печати, Толстой яснее видел очертания будущей эпопеи. Он дописывал и переписывал уже существующие сцены, вводил новых героев. Казалось, роман не писался, а строился по подобию сотворения Богом мира: каждое новое изменение было настолько же значительным, насколько и неизбежным. Удивительная фраза Толстого, которую он когда-то записал в дневнике: «Лень писать с подробностями, хотелось бы все писать огненными чертами», — воплощалась в жизнь. Мысль о том, как значительна бывает жизнь во всех ее «подробностях», исторических и частных, когда они становятся «огненными чертами» и составляют величественную картину бытия, — Толстой доказывал каждой страницей романа.

В 1867 году он собственноручно вписал в рукопись окончательное заглавие — «Война и мир». Здесь «мир» в прямом, письменно выраженном смысле означает «Вселенная, мироздание». Но, будучи произнесенным вслух, это слово звучит так же, как «мир» в значении «отсутствие ссоры, вражды, войны». К сожалению, в новой системе орфографии этот важнейший нюанс исчез.

Примечательно, что во время работы над «Войной и миром» Толстой прекратил делать записи в дневнике. Это говорит о том, что его самовыражение в полной мере осуществлялось на страницах романа. Все сокровенные мысли писатель высказывал в художественной форме — наивысшее счастье для художника! Величие романа «Война и мир» состоит в органичном сочетании мысли и ее художественного воплощения. Даже те места, где писатель напрямую высказывает свои философские взгляды, не «перегружают» текст, не требуют от читателя специальной философской подготовки. Язык «Войны

и мира» понятен любому человеку так же, как понятна сама жизнь; соединение обыденности и значительности событий завораживает читателя.

Один из важных вопросов, связанных с «Войной и миром», — это вопрос о том, кто являлся прототипами героев романа, в котором Толстой обдумал «миллионы возможных сочетаний для того, чтобы выбрать из них 1 / 1 000 000». Каждый персонаж в предварительных набросках был охарактеризован автором по «рубрикам»: с точки зрения его положения «имущественного», «общественного», «поэтического», «умственного», «любовного», «семейственного»... Неудивительно, что множество людей по какому-нибудь из этих признаков находили прототипы героев среди своих родных и друзей.

В этом смысле характерен отрывок из письма Т. Кузьминской, родной сестры Софьи Андреевны, считавшей себя главным прототипом Наташи Ростовской. В конце 1864 года Толстой читал части своего романа в семейном кругу.

«Про семью Ростовых говорили, что это живые люди, а мне-то как они близки! ...Вера — ведь это настоящая Лиза. Ее степенность и отношение к нам верно, т. е. скорее к Соне, а не ко мне. Графиня Ростова — так напоминает мама, особенно как она со мной. Когда читали про Наташу, Варенька (Перфильева) хитро подмигивала мне. ...Но вот будете смеяться: моя кукла большая, Мими, попала в роман. ...Да, многое, многое найдете в романе. ...Маленькую княгиню хвалили дамы, но не нашли, с кого писал ее Левочка...»

И так далее, и тому подобное. Примерно на таком же уровне воспринимается и мысль о заимствовании характера Наташи Ростовской из современного Толстому английского романа «Аврора Флойд»...

Вероятно, исчерпывающий ответ на этот вопрос дал сам Толстой в одном из своих писем:

«Андрей Болконский — никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров».

Все, что зрелый художник знал к тому времени о людях, об условиях их быта и мотивах поведения, о светских, служебных, родственных и дружеских отношениях, — одним словом, о человеческой жизни во всех ее проявлениях, было воплощено им с такой силой достоверности, что вызвало у первых же читателей наивную уверенность: так живо можно написать только о конкретных личностях.

Читательский успех романа был огромен. Однако далеко не все критики отнеслись к нему с восторгом. Литературовед Виктор Шкловский считает, что «роман Л. Толстого именно потому не удовлетворил современную ему критику, что в нем Толстой поставил перед литературой новые задачи, осуществил новое построение и новую точку зрения».

В конце XX века мы поражаемся величию «Войны и мира». Даже отъявленный современный сноб понимает, что «промахи и ошибки» автора являются органичной частью его грандиозного замысла. Так же, как промахи и ошибки являются частью другого грандиозного замысла — самой жизни...

Но вот что писали о «Войне и мире» более ста лет назад.

«Главный недостаток романа графа Л.Н. Толстого состоит в умышленном или неумышленном забвении художественной азбуки, в нарушении границ возможности для поэтического творчества. Автор не только силится одолеть и подчинить себе историю, но в самодовольствии кажущейся ему победы вносит в свое произведение чуть не теоретические трактаты, то есть элементы безобразия в художественном произведении, глину и кирпич обок мрамора и бронзы».

«Ошибка графа Толстого заключается в том, что он слишком много места в своей книге дал описанию действительных исторических событий и характеристике действительных исторических личностей. От этого нарушилось художественное равновесие в плане сочинения, утратилось связующее его единство».

На ошибки и недостатки указывали самые разные люди: от критиков Буренина и М. де Пуле до писателей Вяземского и Тургенева.

Поучительно читать эти строки. Если «Войну и мир» могли оценивать подобным образом, то естественно задать себе вопрос: не вечно ли в человеке заблуждение справедливых оценок, не спешим ли мы видеть в любом значительном явлении в первую очередь отталкивающие черты?

Едва ли Толстого оставляло безразличным непонимание его замысла и труда, которому отданы были почти семь лет жизни; такое безразличие просто невозможно по самой сути творчества. Однако он не возмущался многочисленными и чаще всего поверхностными критическими замечаниями, которыми запестрели периодические издания.

Может быть, его глубинное спокойствие было усталостью гиганта после изнурительного, нечеловеческого труда. А еще вероятнее, что, как всякий большой художник, Толстой знал себе цену и следовал словам Пушкина: «Ты сам свой высший суд, всех строже оценить умеешь ты свой труд». Тем более что высочайшая строгость самооценки была ему присуща в высшей мере. Поэтому его мнение о «Войне и мире», высказанное много лет спустя Горькому: «Без ложной скромности — это, как “Илиада”», — не выглядит преувеличенным или нескромным.

В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» Толстой писал, что работа над романом происходила «при наилучших условиях жизни», имея в виду условия, которые создала для него Софья Андреевна. Бытовые условия не были идеальными — молодая, неопытная женщина фактически одна вела хозяйство в большом и не слишком благополучном имении. Имея грудного ребенка (Лев Николаевич настаивал, чтобы жена кормила детей сама), будучи вновь беременна, Софья Андреевна еще и переписывала сотни страниц трудно разбираемого толстовского почерка, и многие часы проводила в его кабинете, когда Толстой просто не мог работать, не видя рядом жену! Трудная, противоречивая жизнь его души стала для Софьи Андреевны важнее, чем собственная.

Скорее всего, лишь в колоссальном, не поддающемся обычному уму, многолетнем творческом напряжении была причина того, что Лев Николаевич срывал на жене тяжесть мучительных творческих поисков. По этой же причине он писал, что чувствует себя прикованным к Ясной Поляне золотыми цепями...

Когда пытаешься осмыслить непостижимое величие творческого, духовного подвига Толстого в эти шесть лет, многое становится понятным. В том числе и нервный срыв, который настиг его после завершения «Войны и мира».

Арзамасский ужас. «Азбука»

В сентябре 1869 года, еще «не остыв» после написания романа, Толстой поехал в Пензенскую губернию смотреть для покупки новое имение.

Остановился в Арзамасе, в местной гостинице. Толстой не мог уснуть. Поначалу ему казалось, что он от кого-то убегает, и он не понимал своего ощущения:

«Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я, вот он, я весь тут. Ни пензенское, никакое имение ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе... Что я тоскую, чего боюсь? — Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут. — Мороз подрал меня по коже».

Так Толстой впоследствии описывал свое тогдашнее состояние. Но даже его таланту было не под силу описать ощущение безысходного страха. Этот страх не был страхом немедленной смерти. Толстой знал, что сейчас не умрет, и чувствовал продолжение жизни, но эта жизнь становилась в его ощущениях абсолютно бессмысленной, пустой, пугающей, если рядом где-то существовала смерть.

«Я нашел подсвечник медный с свечой обгоревшей и зажег ее. Красный огонь свечи и размер ее немного меньше подсвечника, все говорило то же. Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть».

Читая эти строки, слышишь горячий бред сумасшедшего. А ведь это писал Толстой с его огромным физическим и психическим здоровьем! Сказались шесть лет работы над «Войной и миром», шесть лет напряженной внутренней жизни, в которой писатель превращался в тысячи своих персонажей. И не только в одушевленных существ, но и в деревья, дома — словно заменив собою в этом романе всю живую и неживую природу... Невозможно измерить в известных людям единицах ту энергию, которую Толстой при этом затратил. Но всплеск этой энергии стоил всех его душевных сил, об этом свидетельствует психическое состояние, которое Толстой испытал в Арзамасе.

Это трагическое ощущение получило название «арзамасский ужас».

Впоследствии Лев Николаевич написал рассказ «Записки сумасшедшего», где изобразил свое психическое состояние той поры. Само название рассказа свидетельствует о том, что Толстой понимал, насколько близок он был к помешательству, к смерти. Но жизненные силы победили. Помогло Евангелие, «Житие святых» — рассказы о почти обычной, но в то же время оправданной верой жизни. Такой же, к которой все время стремился и сам Толстой.

Покупка пензенского имения не состоялась. Толстой вернулся в Ясную Поляну.

В качестве «отдыха» он изучал греческий язык, переводил Эзопа и Гомера, ездил в самарские степи...

Вскоре Толстой задумал большой роман из эпохи Петра I. Можно предположить, что эта попытка, которую сам писатель считал неудачной и о которой не любил вспоминать, была обусловлена инерцией многолетней работы над «Войной и миром». После этого романа, посвященного историческим событиям, Толстой хотел еще глубже проникнуть в русскую историю, в ту ее эпоху, о которой говорил, что «весь узел русской жизни сидит тут». Он стремился найти разгадку исторической судьбы России.

Толстой заготовил для нового романа много материала, но работа не давалась ему. Писателю трудно было представить психологию людей, живших в петровское время, — а ведь психологическую верность изображаемого он ставил выше всего. Он чувствовал, что не справляется с задачей в той полноте, которой требовал от себя. Очень охлаждало Толстого и то обстоятельство, что по мере углубления в исторический материал личность Петра все более и более казалась ему неприятно-отталкивающей.

Но неудача этого замысла отнюдь не свидетельствовала о творческом истощении Толстого после «Войны и мира», скорее, это был неверный выбор темы. Великий художник нуждался в том материале, который он знал достоверно, чувствовал изнутри.

В 1871 году он принялся за написание маленьких детских рассказов для своей «Азбуки». Этой работе он придавал не меньшее значение, чем только что завершённому титаническому труду. И в то время, и в глубокой старости великий художник и педагог сохранял в себе способность к детски-ясному восприятию действительности. Толстой поставил себе задачей научить крестьянских детей видеть и обобщать. Он считал, что «наука есть только обобщение частных» и «задача педагогики есть, следовательно, наведение ума на обобщение».

Можно с уверенностью утверждать, что уже более ста лет любой ребенок, научившийся русской грамоте, обязательно читает «Косточку», «Трех медведей», «Льва и собачку» и другие рассказы из толстовской «Азбуки». Поразительное явление! Вспоминается мечта Толстого стать основателем новой религии... Но если последователей толстовского философского учения не так уж много, то с его пониманием простоты и очарования окружающего мира вошли в жизнь миллионы людей. И миллионы людей впервые поняли с его помощью логическую связь явлений, событий, чувств.

Юношеская мечта Толстого влиять на умы людей осуществилась полностью, и даже в большей мере, чем он сам на это рассчитывал.

Толстой писал о яблоньке, у которой мыши обгрызли корни; о клопах, обхитривших человека; о мальчике, которого обещали взять в город, но не взяли, и мальчик видит свою

поездку во сне; об артиллеристе, спасшем своего сына от акулы выстрелом из корабельного орудия... Каждая из этих многочисленных историй призвана научить ребенка чему-нибудь важному, без чего он не сможет жить. Даже неизбежная назидательность рассказов для детского чтения — художественна и неназойлива, и потому эти истории никогда не утратят привлекательности для пытливого детского ума.

Особенно гордился Лев Николаевич рассказом «Кавказский пленник», язык которого он довел до предельной степени простоты и ясности.

«Я изменил приемы своего писания и язык. ...Язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, — мне мил. Язык этот, кроме того, — и это главное — есть лучший поэтический регулятор. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не позволит...» —

писал о своей «Азбуке» Толстой.

Как актуальны эти толстовские слова в наше время, когда зачастую люди не только не прислушиваются к языку, но порой думают одно, произносят другое, а в результате получается нечто третье...

Работая над «Азбукой», Толстой думал так же, как его яснополянские ученики, видел мир их глазами. Помогала ему в работе и феноменальная память, хранившая самые первые впечатления жизни. Два года (1871–1872), в которые Толстой писал детские рассказы, дали его душе отдых и наполнили энергией ясности восприятия мира.

«Мысль семейная»

К 1873 году жизнь писателя стала размеренной, почти лишенной внешних событий. Толстой был полон сил, готов к большой работе, а главное, нашел тот жизненный материал, в котором мог органически воплотить свои мысли, переживания, философские воззрения.

В 1873 году Толстой перечитывал Пушкина. Об этом есть свидетельства в его письмах. Так, он писал в одном из них:

«Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу — прочтите с начала все Повести Белкина. Их надо изучать, изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение».

Новый роман, по словам Толстого, «пришел мне невольно и благодаря божественному Пушкину, которого я случайно взял в руки и с новым восторгом перечел всего».

На первый взгляд, странная связь между пушкинской прозой и романом «Анна Каренина»! Но Толстой ощущал, что «заразился» от великого поэта свободой и силой художественной правоты, которая сама собою вызывала порыв к работе. «Повести Белкина» стали, по его признанию, тем последним толчком, который побудил его взяться за новый роман, «как будто разрешил все сомнения».

Толстой писал произведение такого типа, который Пушкин называл «свободным романом». Именно за внутреннюю свободу автора «Анну Каренину» называют «самым пушкинским» из романов Толстого. Кстати, в романе присутствует образ дочери Пушкина Марии Александровны Гартунг: именно с нее написал Толстой внешность Анны. Можно считать эту деталь такой же случайностью, как мимолетная встреча Толстого с Марией Александровной на балу в Туле. Однако следует помнить, что, когда речь идет о великих произведениях, случайностей не бывает.

Первые замыслы сюжета возникли у Толстого в 1870 году. Но к работе над романом он приступил только в 1873 году. Работа пошла быстро, и уже осенью этого года Софья Андреевна записывала:

«Роман “Анна Каренина”, начатый весной, тогда же был весь набросан. Все лето, которое мы провели в Самарской губернии, он не писал, а теперь отделявает, изменяет и продолжает роман».

Вместе с началом работы прекратились подробные записи в дневнике: Толстому опять достаточно было для самовыражения художественного текста. «Я все написал в “Анне Карениной”, – говорил он тогда, – и ничего не осталось».

В 1875 году первые главы «Анны Карениной» были опубликованы в журнале «Русский вестник», где роман печатался до 1877 года.

Как и в начале работы над «Войной и миром», Толстому казалось, что в течение года он завершит свой труд. Но впереди были пять лет труда — с большими перерывами, с многочисленными вариантами, со взрывами отчаяния и приливами вдохновения... Пока писался роман, подряд умерли трое маленьких детей Льва Николаевича и Софьи Андреевны: годовалые Петр и Николай и новорожденная девочка, прожившая всего несколько часов. Несмотря на то что у Толстых осталось пятеро детей, настроение в Ясной Поляне было подавленное.

В то время Лев Николаевич писал А.А. Толстой:

«Моя Анна надоела мне, как горькая редька, я с нею возжусь, как с воспитанницей, которая оказалась дурного характера».

Всех своих героев писатель воспринимал как живых людей и силой своего таланта делал их таковыми для читателей.

Образ Константина Левина во многом автобиографичен. Даже его фамилия образована от имени Толстого, а левинское имение Покровское в точности повторяет яснополянский дом. Не говоря уже о более существенных деталях сходства между героем и его автором: ведь это сам Толстой, будучи счастливым помещиком, мужем и отцом, боялся брать с собой в лес ружье, чтобы не застрелиться... Софья Андреевна говорила шутя: «Левочка, ты — Левин, но плюс талант. Левин — нестерпимый человек».

Роман с самого начала задумывался многомерным, с участием десятков персонажей. Но весь он был проникнут единой мыслью — о свободе и ее реальном, жизненном, воплощении. Толстой писал об изначальной свободе человеческих чувств и об ограничениях этой свободы, установленных Богом и воспринятых людьми в результате осмысления своей жизни.

Эта мысль не утрачивается, а проясняется на протяжении всего романа. Самой своей глубиной она не допускает однозначных толкований, банального морализаторства, делает героев романа не выразителями расхожих мнений, а живыми людьми, вызывающими читательское понимание и сочувствие.

Называя эту мысль «мыслью семейной», Толстой не ограничивал себя историями нескольких русских семейств — Карениных, Левиных, Облонских. В них, как небо в каплях дождя, должна была отразиться вся Россия с ее внутренним разладом, «мучительной неправдой» жизнеустройства, которые остро чувствовал великий художник. Оттого так неоднозначны события и характеры в «Анне Карениной», оттого право судить героев Толстой оставляет только Богу: «Мне отмщение, и Аз воздам».

В 1878 году, когда окончательный вариант романа уже готовился к печати, Толстой вписал в рукопись эпитафию к первой части:

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему».

Далее следовало начало первой главы:

«Все смешалось и спуталось в доме Облонских».

Затем, соединив эти фразы чертой и изменив вторую из них, писатель слил эпитафию с текстом. Таким образом было создано блистательное по своей лаконичности двойное вступление в роман — философское и событийное.

Успех нового романа у читателей в каком-то смысле превзошел даже успех «Войны и мира». По словам А.А. Толстой, каждая новая глава ожидалась с горячим нетерпением и «подымала все общество на дыбы, и не было конца толкам, восторгам, и пересудам, и спорам, как будто дело шло о вопросе, каждому лично близком».

Мнение критики, как обычно, было не столь однозначным. Издатель «Русского вестника» Катков даже отказался печатать эпилог — из-за несогласия с мнением Толстого о помощи Сербии. Некто Авсеенко, из «реакционного» лагеря, утверждал, что граф Толстой, принадлежа к школе «чистого искусства», написал роман прежде всего великосветский, — и восхищался этим фактом.

Некто Ткачев, уже из лагеря «демократического», соглашался с мнением Авсеенко, однако оценивал «салонное художество» Толстого отрицательно.

Некрасов охладел к своему любимому автору после выхода «Анны Карениной»; Салтыков-Щедрин резко отзывался об «аристократическом и антинигилистическом» романе.

Великим художественным произведением без оговорок назвал «Анну Каренину» только Достоевский. В своем журнале «Дневник писателя» за 1877 год он, уступая пальму первенства Толстому, написал:

«“Анна Каренина” есть совершенство как художественное произведение... и такое, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться».

После «Анны Карениной» Толстой окончательно утвердился в сознании российской и мировой общественности как величайший русский писатель.

Великий перелом

В сентябре 1881 года Толстые поселились на длительное время в Москве, чтобы дать образование подросшим детям. (Правда, Лев Николаевич подолгу жил в Ясной Поляне, а на лето туда перебиралась вся семья.) Сергея, старшего сына, готовили в университет. Илью и Льва — в гимназию. Дочери Татьяне шел восемнадцатый год, нужно было вывозить ее «в свет». Подрастали и младшие — Мария, Андрей, Михаил и Алексей. В июле 1882 года Толстые купили дом в Долго-Хамовническом переулке (ныне ул. Льва Толстого, 21).

С этим домом связан большой и плодотворный период в жизни Толстого. Последний раз писатель посетил его в 1909 году, ровно за год до смерти. Кабинет хамовнического дома хранит тайну создания многих великих произведений: «Смерть Ивана Ильича» (1882–1886), «Крейцера соната» (1887–1889), «Воскресение» (1889–1899), «Живой труп» (1900), «Хаджи-Мурат» (1894–1904).

Живя в Москве, Лев Николаевич посещал ночлежные дома Хитрова рынка, видел ужасы городской нищеты не только в ее внешних проявлениях. Его потрясала глубина проникновения нищенской, бродяжьей психологии в сознание людей. Нищета духа порождала хитрость и изворотливость ума вместо честности и открытости. Толстой наблюдал, как тяжело, а зачастую и невозможно, помочь людям нищего духа: любое воспоможествование они исхитрялись направить на еще более глубокое падение. Деньги, собранные Толстым по подписке среди богатых людей Москвы, растворялись в ночлежных домах без видимой пользы, часто разворовывались.

Толстой с болью переживал это. В дневниках он подробно описывал свои действия в помощь голодающим — и не мог найти ответа на вопрос: почему люди зачастую сами стремятся быть хуже, чем их «обязывают» обстоятельства?

Считается, что в бреду человек высказывает свои самые сокровенные, тайные, подсознательные мысли — те, в которых не всегда может себе признаться наяву. За долгую жизнь Толстому делали несколько операций под хлороформом. Одну из таких операций, когда вправляли вывих после падения с лошади в 1864 году, описывали очевидцы:

«Возились долго. Наконец он вскочил с кресла, бледный, с открытыми блуждающими глазами; откинув от себя мешочек с хлороформом, он в бреду закричал на всю комнату:

— Друзья мои, жить так нельзя... Я ду... я решил... — Он не договорил».

Это — самое глубокое ощущение Толстого на протяжении всего его земного существования. Молодым человеком он стремился к самоусовершенствованию, в зрелые годы мучился потребностью какой-то параллельной, праведной жизни, которую не мог найти в реальности. Самовыражаясь в своих романах как великий художник, он одновременно выстраивал в них тот мир, в котором должен жить человеческий дух.

Всю жизнь он искал ту самую «зеленую палочку», на которой написаны слова человеческого счастья.

Жить несправедливо, неправильно, несправедно больше невозможно — такова суть мировоззрения, к которому Толстой пришел в начале восьмидесятых годов и которое не менялось до конца его жизни.

Толстой всегда выбирал из волнующих его жизненных вопросов самый для него главный и отдавался ему со всем жаром своей души. Этот вопрос становился для Толстого первозначимым, и от его решения зависело решение всех остальных вопросов бытия.

Так жить нельзя — эта мысль звучит во всех произведениях Толстого, написанных после 1880 года. Названия его статей, рассказов и повестей все чаще становятся «говорящими»: «Исповедь» (1882), «В чем моя вера?» (1883), «Так что же нам делать?» (1884).

«Я отрекся от жизни нашего круга, — писал Толстой в “Исповеди”, — признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей».

Это кажется совершенно невероятным: человек, понимающий и чувствующий, казалось бы, все, что может вместить в себя человеческая душа, по трудоспособности превосходящий любого другого человека, — всю жизнь мучился тем, что не мог считать себя частью «трудового народа»...

Высокая совесть, которую сам Толстой иногда принимал в себе за лицемерие, заставляла его поверять все свои мысли реальными поступками. Чтобы окончательно проверить себя в церковной вере, в 1879–1881 годах Толстой ездил в Троице-Сергиеву лавру, пешком ходил в Оптину Пустынь. Он подолгу беседовал о вере с монахами и схимниками, но эти беседы лишь укрепляли его в отрицательном отношении к официальной церкви.

Спасение для людей Толстой пытался найти в обновленном, переосмысленном христианстве. В 1881 году он начал книгу под названием «Записки христианина», в которой старался докопаться до самых истоков людской потребности в вере. Веру в Бога он не отделял от постоянных сомнений, гложущих человеческую душу. Толстой не отделял веру и от жизненного опыта — наоборот, он стремился срастить идеальное с реальным. В своем «Кратком изложении Евангелия» он доказывал человеческую сущность Христа. Он писал о том, что внешнее чудо бессмысленно, потому что настоящее чудо — это духовное возрождение человека, которое он сам может в себе сотворить.

Религиозно-философские сочинения Толстого вызвали резкий протест православной церкви. Ситуация усугублялась еще и тем, что деятельность Толстого не сводилась только к написанию сочинений. Современники вспоминали, например, отчасти шокирующую, отчасти смешную историю: в день летнего религиозного праздника впереди сельского крестного хода неожиданно появляется на лошади граф Лев Николаевич и принимается горячо уговаривать крестьян, чтобы они не молились иконе — «мертвому» образу Бога...

В 1901 году граф Толстой был предан анафеме во всех российских храмах и отлучен от церкви. Это событие, о котором писали все газеты, вызвало такую бурю общественного возмущения, что власти опасались бунта.

Отношение светских властей к публицистическим произведениям Толстого вообще было отрицательным. Против несправедливости жизнеустройства во всеуслышание выступал писатель с мировым именем, каждое слово которого становилось откровением для миллионов людей. «К Толстому в Ясную Поляну» — так называлась точка духовного притяжения для лучших людей России и мира.

Толстовскую общественную деятельность того времени трудно оценить однозначно — как и всю его великую жизнь. У всех на глазах разворачивалась тяжелейшая драма: мучительные, искренние мысли о несправедливости жизни неотменимо привели великого художника к действиям, которые могли иметь самые страшные последствия. Революция 1917 года, до которой не дожил Толстой, стала самым сильным тому подтверждением ...

На многие произведения писателя был наложен цензурный запрет, но это лишь усилило влияние толстовских идей на его последователей. На юге России создавались целые поселения толстовцев — людей, исповедующих в реальной жизни толстовские принципы.

Стремясь следовать своему учению, Толстой максимально приблизил свой образ жизни к образу жизни трудовых людей — в основном крестьян. Он ограничил свои потребности, чередовал занятия литературой с физическим трудом. Преодолевая огромное сопротивление Софьи Андреевны, думавшей о будущем детей, отказался от литературной собственности на все произведения, написанные после 1881 года. Стал вегетарианцем. (Впрочем, когда Лев Николаевич болел, жена тайком готовила ему пищу на мясном бульоне...)

Все эти действия Толстого, если не знать об их глубокой, выстраданной духовной подоплеке, могли вызвать — и вызывали — непонимание у людей его круга. В 1880 году, еще в самом начале переломного момента в жизни Толстого, Достоевский писал жене: «О Льве Толстом и Катков подтвердил, что, слышно, он совсем помешался».

Не избежал Толстой и насмешек. Правда, ощущение фальши вызывало у Софьи Андреевны и взрослых сыновей в основном поведение толстовцев, которые стали частыми посетителями яснополянского дома. Конечно, среди них были искренние, действительно ищущие веры люди. Но слишком уж многие «гости» с завидной последовательностью просили у Льва Николаевича денег на обратную дорогу...

Крестьяне, искренне любившие Толстого, с усмешкой относились к его «барским причудам».

Толстой был любим близкими, находил понимание у дочерей — Александры Львовны, Татьяны Львовны, Марии Львовны, ставших последовательницами его учения. И все-таки его внутреннее, духовное одиночество было безмерным; иным оно и не могло быть у художника такого масштаба.

Тем не менее, общественная деятельность не умалила масштаб Толстого-художника. С 1889 по 1899 год был написан роман «Воскресение». Изданный в самом конце столетия, он стал своеобразным итогом искусства XIX и началом искусства XX века. В нем Толстой воплотил невоплощенные в других художественных произведениях замыслы и скрепил их своим «теперешним взглядом на вещи».

Одновременно работая над романом, в 1886 году Толстой написал повесть «Смерть Ивана Ильича». Сразу после завершения работы над «Воскресением» была написана драма «Живой труп».

Многие критики говорили и до сих пор говорят о нравоучительности «Воскресения», которая вредит его художественным достоинствам. С этим можно спорить или соглашаться, но нельзя не видеть, что в «Живом трупе» нравоучительный дух исчез совершенно. Приступая к написанию этой пьесы, Толстой записал в дневнике:

«Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текучесть человека, то, что он один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо».

Именно таким человеком показан главный герой «Живого трупа» Федя Протасов. Причем показан с глубочайшим пониманием законов театра — несмотря на то, что Толстой неоднократно высказывал отрицательное отношение к этому виду искусства. Поистине, загадка великого толстовского дара неисчерпаема!

Начатая в 1896 году повесть «Хаджи-Мурат» (только для первого ее наброска Толстой ознакомился с историческими и этнографическими сочинениями, в которых насчитывалось 5 000 страниц!) писалась с перерывами — из-за тяжелой болезни легких, на время которой врачи посоветовали Толстому поехать в Крым. Летом 1901 года вместе с родными он уехал в Гаспру, где, по любезному приглашению хозяйки, поселился в имении графини С.П. Паниной.

По дороге, на вокзале в Харькове, Толстому была устроена сочувственная встреча, переросшая в манифестацию по случаю отлучения его от церкви. После этого, во избежание общественных волнений, сообщения о пребывании писателя в Крыму появлялись в печати крайне редко.

В Гаспре состояние больного ухудшилось: воспаление легких перешло в брюшной тиф. Учитывая возраст Толстого, врачи не питали надежд на его выздоровление. Но его могучий дух вновь совершил чудо. Еще не было завершено все, к чему судьба предназначила этого титана, и Бог его берег. К лету 1902 года Толстой поправился.

В Гаспре его посещали Чехов, Горький, другие писатели и известные люди. Толстой сделал запись в дневнике: «Рад, что и Горький и Чехов мне приятны, особенно первый».

В июне 1902 года Толстой возвратился домой. После болезни, длившейся год и едва не ставшей смертельной, Лев Николаевич вернулся к прежнему ритму своей жизни: много работал, подолгу ездил верхом по окрестностям Ясной Поляны, на восьмом десятке лет освоил езду на велосипеде... Все это кажется невероятным — но таков был этот человек. После выздоровления он написал повесть «Хаджи-Мурат». Одной только этой вещи сполна хватило бы, чтобы назвать ее автора великим художником.

Повесть имела десять редакций с многочисленными вариантами. Большинство персонажей, в том числе главный герой, — реальные исторические лица. Судя по письмам, Толстой писал «Хаджи-Мурата» «от себя потихоньку», считая, что заниматься «балаболом и глупостями» на краю гроба, стыдно. Однако едва ли он не сознавал истинного масштаба этого произведения, которое и спустя сто лет с исчерпывающей полнотой объясняет суть отношений России и Кавказа.

Повесть впервые появилась в печати только в 1912 году, с большими цензурными пропусками.

Дневники Толстого после болезни стали особенно подробными. Он словно разговаривал сам с собой на волнующие его темы. Зная, что жена прочитывает дневники, Толстой завел потайную тетрадь, которую прятал то за голенищем сапога, то за обивкой кресла. Ему необходима была предельная степень исповедальности, искренности. А зная, что его слова будут читаться через несколько минут после написания, он чувствовал, что пишет не только для истины, но и для читателя.

Отношения Толстого с женой в последние годы стали тяжелыми и мучительными для обоих. Софья Андреевна все силы положила на семью, на управление имениями, которыми Лев Николаевич не слишком успешно занимался в юности и совсем прекратил заниматься в старости. Для всего этого требовались значительные средства. Физическое и душевное здоровье ее было подорвано рождением тринадцати детей, смертью пятерых из них. Особенно тяжела оказалась для нее смерть в 1895 году семилетнего сына Ванечки, от которой Софья Андреевна так и не сумела оправиться. Кроме того, она не могла больше тешить себя материнскими иллюзиями о том, что дети сумеют самостоятельно

устроить свою жизнь. Не все сыновья блистали в учебе и работе, дочери не нашли счастье в замужестве...

А главное — будучи связана со своим гениальным мужем множеством эмоциональных нитей, Софья Андреевна постоянно находилась в состоянии высочайшего душевного напряжения, которое особенно сильно сказалось на ее самочувствии в последние годы жизни Толстого.

Неудивительно, что ее раздражали толстовские идеи бессеребренничества, его отказ от гонораров. Софья Андреевна до последних дней жизни Льва Николаевича боялась, что он тайком переписывает завещание и таким образом оставит детей без средств к существованию. К этому подталкивал его, в частности, В.Г. Чертков — человек, ставший в последние годы помощником Льва Николаевича, имевший на него сильное влияние. (В июле 1910 года Толстой подписал составленное юристом завещание, согласно которому все им написанное завещалось «в полную собственность дочери А.Л. Толстой». Он был вынужден назвать лицо, которое являлось бы его наследником, иначе завещание считалось бы недействительным. Свою волю о том, чтобы его сочинения не были ничьей частной собственностью, Толстой выразил в приложенной к завещанию «Объяснительной записке». Александра Львовна выполнила волю отца, до 1913 года издала его неизданные сочинения, выкупила у братьев перешедшую к ним землю и наделила ею крестьян, после чего передала права на сочинения отца в общее пользование.)

В 1904 году началась русско-японская война, ускорившая Первую русскую революцию 1905 года. Толстого взволновали эти события: он писал многочисленные статьи, призывы к правительству и народу, пытаясь повлиять на ход событий, — и чувствовал, что это не в его силах. «Не могу молчать» — так назвал писатель одну из своих статей по поводу смертных казней.

Он не мог молчать, когда дело касалось глобальных перемен в стране или событий, происходящих в его семье, в Ясной Поляне. Доверяя свои мысли статьям для широкой печати или «тайному» дневнику, Лев Николаевич был подвержен великой страсти — страсти самовыражения. Она не ослабевала в нем никогда, и энергия ее была огромна.

Разлад между внутренним самоощущением и внешней жизнью все более мучил Толстого:

«Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание».

Он страдал от того, чего другие вообще не замечали. Что не в силах облегчить труд крестьян, что видит на фоне их тяжелой жизни роскошную, как он считал, жизнь своих домочадцев, что приходится прятать свои дневники от близкого человека... Толстой много раз думал о том, как изменить окружающую его жизнь таким образом, чтобы обрести душевный покой и согласие с самим собой, — и не находил ответа.

За несколько месяцев до смерти он писал в одном из вариантов нового произведения, начатого под названием «Нет в мире виноватых»:

«Было время, когда я пытался изменить это мое, несогласное с требованием души, положение, но сложные условия прошедшего, семья и ее требования не выпускали меня из своих тисков, или, скорее, я не умел и не имел сил от них освободиться. Теперь же, на девятом десятке, ослабевший телесными силами, я уже не пытаюсь освободиться и, странное дело, по мере ослабления телесных сил, все сильнее и сильнее сознавая всю преступность своего положения, я все более и более страдаю от этого положения».

И все-таки он попытался освободиться.

Уход и смерть

28 октября 1810 года ночью, тайком, в сопровождении домашнего врача Душана Маковицкого, Толстой покинул Ясную Поляну. Куда он бежал?

В книге «Освобождение Толстого» об этом написал И.А. Бунин:

«Он бежал “куда-нибудь” и не мог не знать, что, по его годам и слабостям телесным... ждала его на пути только смерть. “Но это-то и хорошо”. Лишь бы не умереть, как умирает человек этого мира, а умереть, как зверь, — по древнейшему закону природы: в той священной тайне, в которой умирает “где-то” всякий свободный зверь, всякая свободная птица, ибо никогда не находит человек ни свободного зверя, ни свободной птицы мертвыми ни в городе, ни в деревне, ни даже в чистом поле».

Сначала Толстой отправился в Оптиную Пустынь, рядом с которой в селе Шамордине в женском монастыре монашествовала его любимая сестра Мария Николаевна. Хотел ли он остаться в Оптиной или в Шамордине — неизвестно, как неизвестны и его дальнейшие планы. На следующий день из Ясной Поляны приехала дочь Александра Львовна. Она привезла страшную весть о том, что Софья Андреевна пыталась покончить жизнь самоубийством, несколько раз бросалась в пруд. Когда ее спасли, кричала: «Я его найду, я убегу из дому, побегу на станцию! Ах, только бы узнать, где он! Уж тогда-то я его не выпущу, день и ночь буду караулить, спать буду у его двери!»

Это известие потрясло Льва Николаевича. Он решил продолжить свое бегство дальше — куда, и сам не знал. Сначала намеревался отправиться в Новочеркасск, потом на Кавказ, а потом — куда-нибудь в Болгарию...

— Все равно куда... только ни в какую ни в толстовскую колонию, а просто в мужицкую избу... — говорил он своим верным спутникам — дочери, Душану Маковицкому.

По дороге, на станции Астапово, все вынуждены были сойти с поезда — из-за сильного жара у Льва Николаевича. Дальше путешествовать в таком состоянии было для него смертельно опасно.

Несколько дней Толстой был в ясном сознании, диктовал последние мысли, разговаривал с приезжающими детьми, близкими людьми. За стеной прислушивалась к его дыханию приехавшая Софья Андреевна. Бюллетени о его здоровье печатались в газетах, за ними следила вся Россия.

7 ноября 1910 года в 6 часов утра Толстой скончался.

8 ноября траурный поезд с его телом вышел со станции Астапово на станцию Засека близ Ясной Поляны.

Траурные собрания и митинги прошли по всей стране, несмотря на то, что власти старались предотвратить любые массовые мероприятия, связанные со смертью Толстого.

Десятки тысяч людей хотели приехать в Ясную Поляну, чтобы отдать последний долг памяти Льва Николаевича Толстого. Но на похоронах удалось присутствовать лишь трем-четырем тысячам человек: в основном это были московские студенты, которым, опасаясь студенческих волнений, все-таки позволили приехать, и яснополянские крестьяне. Крестьяне и несли гроб на руках от станции до Ясной. Очевидцам особенно запомнилось белое полотно на двух шестах, на котором было написано:

«Лев Николаевич! Память о твоём добре не умрет среди нас осиротевших крестьян Ясной Поляны».

Прощание с покойным в доме длилось три часа.

Согласно его завещанию, хоронить Толстого решено было недалеко от дома, в лесу, без креста на могиле и церковного обряда. Присутствующие пели «Вечную память». (Однако вскоре после похорон в Ясную Поляну приехал священник и с согласия вдовы совершил на могиле обряд погребения; имя его осталось неизвестным.) Люди стояли на коленях, встали на колени и жандармы, наблюдавшие за порядком во время похорон.

После похорон семья Толстого получила более 2 500 телеграмм со всего мира, в которых выражалось глубокое соболезнование.